

**Реваз Габриадзе.
(Георгий Данелия).
КИН-ДЗА-ДЗА. (№1)**

2010-020

**КРАТКИЙ ЧАТЛАНО-ПАЦАКСКИЙ СЛОВАРЬ.
(Планета Плюк 213 в тентуре).**

"Цак" — колокольчик для носа.

"Кю" — допустимое в обществе ругательство.

"Кю!" — не очень допустимое ругательство.

"Ку" — все остальные слова.

Кроме слова "спичка".

Спичка на чатлано-пацакском — «Кц».

Гедеван Алексидзе. Земля. Батуми.

Плюканская пустыня.

В небе висело два солнца. Одно огромное, жёлтое. Другое поменьше, оранжевое.

По пустыне шло существо. Вместо носа — хоботок. Уши большие, прозрачные. Глаза круглые, золотые.

Существо покрутило хоботком и тихонько прогудело:

— У-у-у.

Внуковский аэродром. Зима.

Гедеван Алексидзе, щуплый юноша лет шестнадцати, среди прочих, спустился по трапу самолета. В руках у него — портфель и футляр со скрипкой.

Стройка.

Машков Владимир Николаевич, сорокалетний высокий мужчина, на строительных лесах ругался с малярами.

Экспресс.

Гедеван ехал по Внуковскому шоссе в экспрессе. Любовался красотами новостроек.

Кабинет Машкова в вагончике.

Машков у себя в кабинетике спрятал большой ключ под сейф. Снял ватник, одел пальто.

Троллейбус.

Потом они сидели рядом в троллейбусе.

Народу в троллейбусе было много. Гедевана толкали и футляр то и дело касался лица Машкова. Машкову это надоело. Он взял футляр и втиснул его вертикально между собой и соседом.

Троллейбусная остановка.

— Строительная. — Объявил водитель.

Троллейбус остановился. Из передних дверей вышел Машков.

Из задних — Гедеван.

Гедеван огляделся.

Снежное поле. Не построенные дома. Краны... И ни одного человека.

Гедеван побежал по дорожке между сугробами за Машковым, догнал его и спросил:

— Скажите пожалуйста, это какой квартал?

— Восемь "Д".

— А где "Б"?

— Не знаю.

Гедеван постоял. Поднял воротник курточки и пошёл за Машковым к светящемуся огнями микрорайону.

Подъезд Машкова.

Машков вошёл в подъезд, нажал кнопку вызова лифта.

Двери лифта раздвинулись.

В лифте стоял человек в белом брезентовом плаще с завязками вместо пуговиц. Голову его украшал венок из ромашек.

Машков вошёл в лифт и нажал кнопку своего этажа

Дверь закрылась. Лифт поехал.

— Инопланетянин, — тихо позвал человек тоненьким голосом. — Это какая планета? Какой номер в тентуре?

Машков покосился на него.

Человек показал Машкову какой-то прибор с разноцветными клавишами.

— Теперь, чтобы попасть в точку назначения, надо знать номер точки отправления. Хотя бы галактики в спирали.

— Естественно, — кивнул Машков.

Человек тяжело вздохнул.

Лифт остановился. Машков вышел.

— Инопланетянин, холодно. — Пожаловался человек.

Двери сомкнулись.

Квартира Машкова.

Машков вошёл в прихожую.

Жена на кухне вынимала из сумки продукты.

Сын в комнате пиликал на скрипке.

— Купил? — спросила жена.

— Нет, — буркнул Машков, снимая пальто.

— Почему?

— Замотался. — Машков снял пиджак, повесил на вешалку.

— Я тоже работаю, — сказала жена.

— Тьфу! — Машков сорвал пальто с вешалки, взял со стула сумку.

— Вовка! — окликнула жена. — И макароны купи.

Улица.

Машков вышел на улицу, остановился, достал из кармана мелочь, стал считать.

— Товарищ!

Машков оглянулся.

К нему подбежал Гедеван.

— Этот человек, — Гедеван показал на стоящего в подворотне человечка с ромашками, — говорит, что он пришелец. Надо что-то делать.

— Звони ноль-три.

— Я позвоню. Только он совсем босой!

— Друзья! — человечек с ромашками пошёл к ним. — Почему вы такие закрытые? Скажите номер вашей планеты в тентуре. Ну, пожалуйста. Очень прошу!

— Не знаем мы номер. Извини, забыли, — мягко сказал Машков. — Вот парнишка сбегает, спросит в справочной, а мы с тобой его пока в подъезде подождем. Пошли.

— А это оденьте пока, — Гедеван, зажав футляр коленями, достал из портфеля шерстяные носки.

— Не надо это одевать! Надо срочно вашу тентуру узнавать!

— Это машинка перемещения в пространстве и времени, — человек вырвал у Гедевана один носок и протер им свой заиндевелый прибор с клавишами. — Чтобы переместиться и быстро этот контакт нажимать, — он показал на белую клавишу, — У меня семья, дети! А время относительно. Это вы понимать?

— Понимать, понимать, — примирительно сказал Машков. - Такое предложение, мы сейчас нажимаем на контакты и все вместе перемещаемся к вам в гости. А если вдруг не сработает, то вы перемещаетесь с нами, куда мы вас переместим. Идет?

— Не идет! Надо знать...

— Не надо, — перебил Машков и ткнул пальцем в клавишу машинки.

И...

Пустыня.

... В синем небе светило солнце. Ослепительно сверкал белый песок.

Владимир Николаевич Машков, в тяжелом драповом пальто поверх рубашки, в теплых сапогах, с целлофановой сумкой, без шапки, и Гедеван Алакцидзе в ушанке, в нейлоновой курточке, со скрипкой, портфелем и одним шерстяным носком в руке, в тех же позах, что и во дворе, оказались посреди бескрайней пустыни.

Некоторое время они стояли застыв. Потом огляделись, взглянули друг на друга.

— Переместились, — прошептал Гедеван.

— Гипноз... Тек... Напрягаем волю, — Машков зажмурился. Гедеван посмотрел на Машкова, тоже закрыл глаза и напрягся. Открыл глаза, сказал:

— Не исчезает.

— Сильное поле, — Машков нервно подергал головой. — Друг, пришелец, верим, умеешь... Молодец.

Гедеван поводил рукой перед собой со скрипкой.

— Его нету, — сказал он.

Машков вытер пот со лба рукавом пальто. Нагнулся, пощупал песок. Выпрямился.

— А ты что видишь? — спросил он.

— Песок.

— Спокойно... — Машков снова оглядел бесконечные пески.

— Что ж, значит сработала все-таки эта хреновина!.. — достал он из кармана сигареты, спички, закурил.

— Так... Солнце есть, кислород есть, притяжение есть... Песок... Значит мы или на Земле или на подобной планете.

— На подобной, — сказал Гедеван.

— И что это нам дает? Куда идти?

Гедеван пожал плечами.

— Нет... Давай считать, что Земля... На Земле в какой-то пустыне... Кара-Кумы... Какие у нас ещё пустыни?

— Пустыни? Много. Гоби. Сахара. Аравийская. Мертвое поле...

— Я спрашиваю: — "У нас!"

— У нас ещё Кызыл-Кумы!

— Это где?

— Это, если смотреть на карту, от Аральского моря желтое пятно направо. Помните?

— Нет... — Машков подумал. — Давай считать, что это Кара-Кумы. Идет?

Гедеван неуверенно кивнул.

— Тогда Ашхабад... Так... Разница по времени у нас примерно три часа... — Машков посмотрел на часы. — Солнце, значит, на западе. Север там. Пошли! — Машков снял пальто, перекинул через руку и зашагал на "север".

— Одну секундочку! — Гедеван достал из портфеля магнитофон с транзисторным приемником, включил. Загремел тяжёлый рок.

— Танцевать будем?! — свирепо спросил Машков.

— Сейчас, сейчас. Я перепутал. Вот. — Гедеван нажал на кнопку. Музыка смолкла. Гедеван стал осторожно крутить ручку шкалы. Полная тишина.

— На УКВ поставь! — нервно сказал Машков.

— Нету. Только средние.

— Ладно... Пошли!

Гедеван спрятал приемник в портфель, подхватил футляр и пошёл за Машковым.

Некоторое время шли молча.

— Извините, как вас зовут? — спросил Гедеван.

— Владимир Николаевич.

— А меня Гедеван, — представился Гедеван.

— Очень приятно. У тебя в портфеле бутылки, там что? — спросил Машков.

— Чача. Водка виноградная... ещё зелень, киндза.

— Да... Хорошо живем.

Помолчали.

— Владимир Николаевич, вы помните, какой номер планеты, с которой переместился к нам тот... с цветочками? — спросил Гедеван.

— Нет.

— А может мы переместились на ту планету, откуда он переместился? А?

— И что?

— Ну тогда надо остановиться и подумать...

Машков остановился.

— Ну думай! Придумал? Пошли, пошли.

— Что вы сердитесь? — обиделся Гедеван, — Если он нажал кнопку и переместился с планеты УЗМ на Землю, то почему, когда вы нажали на кнопку, мы должны оказаться обязательно в Кара-Кумах? Абсурд!

— Слушай, скрипач! Сколько бы мы не гадали, мы все равно ни хрена не выясним! Выбрали направление и идем! Идем! Идем! Нам главное до воды добраться! Ясно!?

Гедеван вздохнул.

Прошли метров тридцать.

Гедеван поднял с песка что-то, стал внимательно рассматривать.

— Чего там? — заинтересовался Машков.

— Кажется гайка...

Машков взял, посмотрел.

— Контр гайка. На двенадцать — он бросил её, пошёл.

Гедеван подобрал гайку, положил её в карман.

Прошли ещё метров тридцать.

— Владимир Николаевич, труба! — воскликнул Гедеван.

-Похоже, что так, — согласился Машков.

— Нет! Правда труба! Посмотрите!

Машков повернулся.

Метрах в сорока от них из песка торчала «Г» — образная ржавая труба.

Подошли. Труба кончалась набалдашником, в который было вставлено треснутое стекло. Машков осторожно, одним глазом заглянул в трубу.

— Перископ? — спросил Гедеван.

— Бог его знает.

Разрешите, — Гедеван отодвинул Машкова и заглянул в трубу.

— Ничего не видно, — сообщил он.

Машков достал из кармана отвес, поскреб по трубе.

— Железо. — Постучал по стекду. — Стекло.

— Может там кто-то есть?

— Похоже, что не есть, а был. Шапку одень, удар может...

Пошёл.

Гедеван приложи ухо к трубе. Послышался стрекот.

— Владимир Николаевич, там мотор работает! — прошептал Гедеван.

— Тихо! Что-то едет! — Машков указал на бархан.

Замерли.

Стрекот превратился в грохот, и из-за бархана вылетел летательный аппарат странной конструкции — конусовидный ржавый цилиндр, с вращающимися вертикальными ракетными соплами по бокам.

Сопла дышали черным дымом.

— Вертолетная ракета, — сказал Гедеван.

Ракета пролетела над ними,

— Эй! — Машков, замахав руками, побежал за аппаратом, — Эй! Стой! Ситтдаун!

Ракета на некоторое время зависла в воздухе, потом, качнувшись, мягко опустилась на песок. Лопасты перестали крутиться.

Наступила тишина.

Тяжелая толстая дверь ракеты со скрипом отодвинулась, образовался пандус. По пандусу из проема по рельсам выехала железная клетка. В клетке стоял босой бородатый мужчина лет пятидесяти, в серой брезентовой куртке и в серых резиновых бриджах. К носу, между ноздрей, у него был прикреплен маленький, никелированный колокольчик. На груди висел медный предмет с ручкой, напоминающий кофемолку. Бородатый пошлёпал себя ладонями по щекам, присел и выпрямился.

— Человек, — прошептал Гедеван и тоже робко пошлёпал себя по щекам.

— Ку! — раздался крик и из ракеты по пандусу выбежал толстый, лысый мужчина в сиреневой резиновой куртке, в сиреневых резиновых бриджах и в жёлтых тапочках. В руках он держал два ржавых шара.

Лысый быстро расставил по краям клетки пары, похлопал себя по лысине, извлек из кармана какой-то прибор с окуляром, подкинул его, поймал и, пританцовывая, подбежал к Машкову, поднес окуляр к его глазу и, лъстиво улыбаясь, спросил:

— Ку?

Машков заглянул в окуляр. Лысый навел прибор на Бородатого. В окуляре замигала зелёная точка. Лысый спрятал прибор в карман, побежал к клетке, плюнул на Бородатого и, просунув ногу сквозь прутья, пнул его ногой. Бородатый быстро закрутил кофемолку и из шаров загремел оглушительный, скрипучий звук.

— Ы-ы-ы-ы! — заголосил высоким голосом Лысый и затрясся.

— Ы-ы-ы-ы! — подхватил басом Бородатый и запрыгал на одной ноге.

— Кап-страна, — уголком рта тихо сказал Машков. — Иностранным владеешь?

— Английским, французским слабо. Армянским немного...

— Скажи, что мы наши туристы. Остали от группы... документы и валюта к экскурсовода.

— Джетлеменс! — крикнул Гедеван. — Ви хевент мани нау. Ви а турист!

Бородатый перестал крутить ручку. Лысый быстро поднес прибор с окуляром к глазу, посмотрел на Машкова и Гедевана, быстро спрятал прибор, распахнул дверцу клетки, выпустил оттуда Бородатого, влез сам в клетку, заперся, пошлёпал себя по щекам, присел и выпрямился.

Бородатый содрал с носа колокольчик, плюнул на Лысого, пнул его ногой, закрутил ручку «кофемолки» и затрясся.

— Ы-ы-ы-ы! — заголосил в клетке Лысый и запрыгал на одной ноге.

— Ы-ы-ы, — взял басом Бородатый.

— Так. Спокойно. — Машков зажмурился.

— Не исчезает, — сказал Гедеван.

Артисты эффектно на высокой ноте закончили выступление.

Бородатый похлопал себя по лохматой голове, пританцовывая, подбежал к Машкову и протянул руку.

— Деньги хочет, — шепнул Гедеван.

— Нету денег, дорогой. Там всё! — Машков махнул рукой в сторону горизонта. — Скажи ему! Что ты стоишь, как истукан! — прикрикнул он на Гедевана.

-Ду юс пик инглиш? — спросил Гедеван.

Бородатый перестал улыбаться и, нахмутив брови, сказал строго:

— Ку.

— Парле франсе? — спросил Гедеван.

Бородатый протянул руку к Гедевану. И повторил:

— Ку!

— Дай ему чачу, — сказал Машков.

Гедеван открыл портфель, вынул бутылку, протянул Бородатому.

Тот вытащил бумажную пробку, понюхал.

— Бери! Бери! Рашин водка, Вери гуд, — сказал Машков.

— Ку? — крикнул Лысый из клетки.

— Ку. — пожал плечами Бородатый.

Лысый вылез из клетки, подбежал, вырвал бутылку из рук Бородатого, хлебнул, закашлялся, швырнул бутылку на песок и заорал:

— Ку!

Бородатый извлек из-за пазухи пластиковый мешочек, вынул из него керамический квадратик, показал Машкову и Гедевану и объяснил:

— Чатл.

Мани ваши? Нету с собой! — Машков похлопал себя по карманам. — Заблудились мы. Понимаешь?

Лысый повернулся к Бородатому.

Тот посмотрел в лоб Машкова, в лоб Гедевана и сказал, вздохнув:

— Ку.

Лысый тоже вздохнул. Оглядел Машкова, содрал с него шарф, накинул себе на шею.

— На. И пальто бери! — Машков протянул Лысому пальто. — Хорошее. Драп. Только вывезите нас отсюда!

Лысый надел пальто, пошарил по карманам, извлек ключи, сигареты, рулетку, накладные, спички, посмотрел, бросил в песок.

— Хамишь, друг, — проворчал Машков, подбирая вещи.

Бородатый тем временем вытряхнул содержимое портфеля Гедевана на песок и босой ногой раздвигал вещи.

Лысый заинтересовался. Поднял кальсоны с биркой, примерил на свой толстый живот, бросил. Взял газетный сверток, развернул. Там была трава.

— Ку? — спросил Лысый.

— Это трава ихняя, бери! — сказал Машков.

— Ку?

— Это киндза, — объяснил Гедеван.

— Кин-дза-дза, — поправил Лысый. — Кин-дза-дза! Ку?

— Извините, что?

Лысый бросил газету, снял с головы Гедевана ушанку, напялил себе на голову, потянулся за скрипкой.

— Это нельзя! — Гедеван спрятал футляр за спину.

— Дай! — велел Машков,

— Чужая!

— Потом разберемся, — Машков вырвал у Гедевана скрипку, отдал Бородатому: — На, пользуйся!

Бородатый открыл футляр, увидел скрипку, бросил, поднял магнитофон.

— Ку? — спросил он,

— Магнитофон! Музыка! Мюзик! — Машков нажал кнопку, оглушительно завывла попгруппа.

Бородатый с омерзением сунул магнитофон Машкову и пошёл к ракете.

Лысый ещё раз внимательно оглядел Машкова и Гедевана, примерил ногу к сапогу Машкова, размер не совпадал, снял очки с Гедевана, посмотрел в стекла на Гедевана, заморгал, плюнул на очки, бросил в песок и побежал к ракете помогать Бородатому закатывать в дверь клетку.

— Вы негодяй! — закричал Гедеван. Он опустился на четвереньки и стал шарить руками.

Машков бросил магнитофон, быстро снял с руки часы, побежал к ракете, поднялся по пандусу и протянул часы Лысому:

— На, держи! «Салют»! Семнадцать камней! Только возьмите нас с собой! Мы же здесь погибнем!

Лысый неожиданно толкнул Машкова в грудь. Машков упал на песок. Бородатый потянул на себя рычаг и пандус начал подниматься.

— Ну, нет! Врешь! Не уйдешь! — Машков вцепился в поднимающуюся дверь. Подбежал и Гедеван. Он подпрыгнул и повис на торце двери.

Дверь неуклонно поднималась. Машков отпустил дверь.

— Пусти! Пальцы защежит! — закричал он и дернул Гедевана за ноги.

Оба упали.

Загудел мотор и ракета взлетела.

Машков поднялся, дрожащей рукой достал сигареты, стал нервно чиркать спичками по коробку, Спички ломались, гасли.

— Это не люди. — Сказал Гедеван, тяжело дыша.

Гремел магнитофон.

— Да выруби ты свою бандуру, — заорал Машков. Он, наконец прикурил, сожженную спичку сунул в коробок.

Ракета вдруг зависла и села. Открылась дверь, на сей раз не вертикально, а отъехав в сторону, на песок выпрыгнули Лысый и Бородатый и подбежали к Машкову. Лысый почиркал пальцем по ладони и сказал вкрадчиво: — Ку.

— Что ку? Что?! — свирепо спросил Машков.

— Ку, — Лысый снова почиркал пальцем и показал его Машкову,

— Наверное спичку хочет, — сказал Гедеван.

Машков достал из коробка спичку.

Лысый, заискивающе улыбаясь, деликатно, двумя пальцами взял спичку, отколупнул кусочек серы, понюхал. Дал понюхать Бородатому.

— Кц? — спросил он.

Бородатый пожал плечами.

Лысый достал из кармана маленькую прозрачную коробочку, вытряхнул из нее таблетки, подул, уложил в нее спичку и кусочек серы и показал Машкову, чтобы он отдал ему весь коробок.

— Что, все хочешь? — Машков потряс коробком в воздухе.

— Ку. — кивнул Лысый.

— Вот тебе! Ку! — Машков показал кукиш. — Вы сначала нас довезите до ближайшего города.

Машков показал в воздухе полет. — А тогда мы вам — ку! Ясно?

... Ракета взлетела.

Рубка.

Рубка ракеты была невелика (2х3 м).

Машков и Гедеван сидели у стальной стены на ржавых динамиках возле овальной двери, на которой была нарисована рука с указательным пальцем вниз.

Клетка стояла в нише. На ней лежал футляр со скрипкой и портфель.

Лысый, в ушанке Гедевана, в пальто и шарфе Машкова и Бородатый сидели в железных вращающихся креслах лицом к пассажирам.

За спиной у них была засаленная медная панель, с рычажками, кнопками, датчиками и переключателями.

Над панелью был квадратный иллюминатор из толстого мутного стекла. Такой же иллюминатор был у ног в гофрированном керамическом полу. К потолку рубки был прикреплен маленький трехколесный трактор.

Бородатый, не отрываясь, смотрел в лоб Машкова. Лысый — на Гедевана.

— Ни одной буквочки, ни одной "мейд ин", — проворчал Машков.

— Ку? — спросил Лысый.

Машков не ответил.

Лысый достал из кармана прозрачный коробочек и посмотрел на свет, в коробочке лежали крошки серы от спички. Перевёл взгляд на Бородатого, тот пожал плечами. Лысый вздохнул, отодвинул на панели чёрную шторку, вынул из маленького ящика тщательно очищенную от серы палочку и лизнул кончик, где раньше была головка.

Задумчиво почмокал, поднёс палочку к лицу Бородатого. Бородатый тоже лизнул, вздохнул, вернул палочку Лысому и раздраженно спросил Гедевана.

— Кц?

— Извините, что?

— Ку!.. — заорал Лысый и постучал кулаком по панели.

— Что он хочет? — спросил Гедеван Машкова.

— Ку он хочет, — прорычал Машков.

Лысый положил палочку от спички в коробочек и стал напряженно смотреть в лоб Машкова.

— Ну, чего уставился? — не выдержал Машков.

— Ку — поднял брови Лысый.

Машков скрипнул зубами.

— Владимир Николаевич, а может все-таки это не Земля? — прошептал Гедеван.

— Владимир Николаевич, цистерна! — Гедевана показал на нижний иллюминатор.

Внизу, утонув наполовину в песке, валялся большой ржавый цилиндр.

Лысый посмотрел на цистерну, развернулся к панели вместе с креслом, взялся за штурвал и повел ракету на посадку.

Бородатый встал, достал из кармана, колокольчик, прикрепил его как клипсу к носу между ноздрей. Потом вытащил из-под кресла жестяную банку с железками, пошарил в ней, вытащил два колокольчика, протер их полкой куртки и протянул Машкову и Гедевану,

— Спасибо, — поблагодарил Гедеван и спрятал колокольчик в карман куртки.

Бородатый укоризненно покачал головой, залез в карман Гедевана, вынул колокольчик и поднес к его носу.

— Что делать? — спросил Гедеван Машкова. — Он хочет, чтобы мы колокольчики надели.

— Перебьется, — процедил Машков.

Бородатый, кряхтя, стал на колени, вытянул руку, позвенел колокольчиком перед лицом Гедевана и жалобно спросил:

— Ку, — и глаза его увлажнились.

— Я одену, Владимир Николаевич, пожилой человек, неудобно, — Гедеван прицепил колокольчик к носу, потряс головой. Колокольчик серебристо зазвенел.

Бородатый повернулся к Машкову и позвенел вторым колокольчиком.

Машков отрицательно покачал головой.

— Кю, пацак! — крикнул Лысый, стукнув кулаком по панелям.

— Ку-у-у! — взмолился Бородатый и зарыдал. Он распластался на полу и попытался поставить сапог Машкова себе на лицо.

— Ну, ладно! Ладно! Уговорил...

Машков нацепил колокольчик.

Цистерна.

Ракета опустилась метрах в двадцати от цистерны.

Лысый поплевал на палочку от спички, осторожно опустил её в коробочек так, чтобы к ней прилип микроскопический кусочек серы. Спрятал коробочек в карман брюк. Встал. Снял шарф, спрятал его под панель, застегнул пуговицы машковского пальто, натянул поглубже ушанку, открыл дверь, выпрыгнул из ракеты и быстро зашагал к цистерне.

Бородатый встал в дверях.

Машков и Гедеван с колокольчиками в носках сидели на динамиках.

Лысый подошёл к цистерне и потер по ней ладонью.

Рядом с цистерной, в песке открылась крышка люка.

Лысый похлопал себя по ушанке, показал кому-то в люке палочку и залез в люк.

Машков вынул из кармана сигареты и спички, отодвинув колокольчик, закусил сигарету зубами, встал и похлопал Бородатого по плечу.

— Пусти, я покурю.

Тут раздался взрыв. Метрах в десяти за цистерной взлетел песок, и из образовавшейся воронки всплыла облачко оранжевого дыма.

— Кю! — воскликнул Бородатый, и вцепившись в руку Машкова, попытался вырвать у него спички.

— Спокойно! — Машков вырвал руку и спрятал спички в карман.

Из люка вылез однорукий маленький мужчина в ушанке Гедевана и пальто Машкова и пошёл к ракете. Полы пальто волочились по песку.

За ним вылез Лысый.

— Кц! — счастливо улыбаясь, крикнул он Бородатому.

Пустыня

...Ракета летела над пустыней.

Рубка.

Лысый и Однорукий сидели в креслах. Бородатый — на полу у ног Лысого.

Машков и Гедеван с колокольчиками в носах — сидели на динамиках.

Под ними плыл песок.

— Который час? — спросил Гедеван Машкова.

— Четверть десятого.

— Мои не работают. Вода попала, морская, — объяснил Гедеван.

Помолчали.

— Неудобно получилось, Я уже позвонил, сказал, что через час буду, а сам вот... Я скрипку привез. Профессору Рогозину. Скрипач есть такой очень знаменитый. Слышали?

-Хоть бы воды предложили, хамы, — проворчал Машков.

— Он вчера у нас в Батуми выступал. Потом был банкет, потом скрипку забыли положить в самолёт. А мне велели передать. Думал, передам и ещё на электричку успею... Машков стукнул себя кулаком по колену:

— Сорок лет дураку! Первый раз видишь прибор. Чего трогаешь? Балда!

Машков достал сигарету, покрутил, понюхал.

Однорукий толкнул локтем Лысого и показал ему два пальца, Лысый посмотрел на Машкова, на Гедевана и устало вздохнул.

— Ку? — оказал он Бородатому, кивнул на гостей.

— Ку! — воскликнул Бородатый и постучал себя по лбу кулаком.

— Странный язык, — сказал Гедеван.

— Прикидываются...

Пауза.

— Вы москвич? — спросил Гедеван Машкова.

— Угу...

— А я в Ярославле учусь. В текстильном институте.

— Молодец...

— Нет. Я сначала в МИМО сдавал. В Институт международных отношений... Но...

— В МИМО без блата не попадёшь, — вдруг произнес Бородатый.

— Нет, почему? — не согласился Гедеван. — Со мной один родной сын посла сдавал и он тоже... Вах! — Гедеван вытаращил глаза на Бородатого. — Это кто сказал?!

— Мы, — сказал Лысый.

Пауза.

— Так! — Спокойно! — тихо проговорил Машков, побледнев.

— Значит русский язык знаем? Вопрос; зачем понадобилось это скрывать? А?! — Машков тряхнул головой. Колокольчик в носу звякнул. Машков содрал его и бросил на пол.

— Небо! — воскликнул Бородатый.

— Что небо? — Машков сверлил глазами Бородатого.

— Небо свидетель, мы не скрывали! Очень трудно в язык проникать, когда вы на двух языках думаете.

— Этот пацак, — Лысый показал на Гедевана. — Все время ещё на других языках, продолжения которых не знает, спрашивает. Я себе все мозги поломал! Маймуно! — выругался он по-грузински.

— Цак, — тихо сказал Однорукий, оглянувшись.

Бородатый подобрал колокольчик Машкова, подполз к нему и попросил:

— Одень, родной.

Машков встал:

— Ну вот что, господа хорошие. Кончайте ваньку валять! Мы из Советского Союза. Прибыли в составе делегации, по приглашению вашего правительства, в порядке культурного обмена!

И если вы немедленно не предоставите нам возможность связаться с нашим посольством, у вас будут крупные неприятности! Ясно?!

Гедеван тоже содрал колокольчик, но не кинул, а спрятал в карман.

— Посольство мы понимать. Не мочь! Цак вставляй! — потребовал Лысый.

— Значит, блат — вы понимать мочь! МИМО — вы мочь! А что такое посольство, бедненькие, не знаете? Хватит мозги пудрить. Ясно?! — повысил голос Машков.

— МИМО ты подумал, а я только сказал, — объяснил Бородатый.

— Ты ещё такую фигуру думал, — Лысый показал Машкову кукиш.

Трансляция мысли, — шепнул Гедеван и вынул колокольчик из кармана.

— Цак, — тихо повторил Однорукий.

— Одень колокольчик, — взмолился Бородатый. — Ну хочешь, наступи на меня, родной, Бородатый лег на пол.

Машков молчал.

— Это не Африка, родной. Это Галактика Лямда в спирали, планета Плюк 213 в тентуре, — сообщал Бородатый с пола.

— Тот тоже про тентуру говорил, — шепнул Гедеван и прицепил колокольчик к носу.

— Привет, приехали, — сказал Машков и медленно опустился на динамик.

— Цак! — снова повторил Однорукий.

Бородатый протянул колокольчик к лицу Машкова. Машков сидел неподвижно.

Бородатый деликатно прикрепил колокольчик к его носу, попятился назад и сел у ног Лысого.

Однорукий успокоился, развернул кресло и взялся за штурвал.

Ракета пошла на снижение.

Дом в пустыне.

В переднем иллюминаторе показался одиноко стоящий посреди пустыни квадратный одноэтажный дом с плоской крышей и одним окном.

Рубка.

— Дом, — шепнул Гедеван.

— Дом, — подтвердил Бородатый.

В космос переместились... — шепнул Гедеван Машкову.

Тот сидел, обхватив голову руками.

Гедеван встал, поправил очки и сказал срывающимся от волнения голосом:

— Господа. Мы — Земляне. Мы переместились к вам с планеты Земля. Мы переместились к вам...

— Номер галактики скажи, — сказал Однорукий.

— Галактики?... Извините, не знаем... Земля, это, знаете, где? Это, где вращаются такие планеты, как Марс, Венера, Сатурн, Юпитер... Большая Медведица. — Гедеван замолк.

— Сколько кц вы привезли? — поинтересовался Однорукий.

— Кц это спички? У меня нет. Я не курю, — извинился Гедеван.

— Кц у них нет! — горячо подтвердил Лысый.

Ракета села.

Дверь открылась. Однорукий выпрыгнул на песок и быстро пошёл к обшарпанному дому, окно которого было забито медными листами.

— Извините, куда мы прилетели? — спросил Гедеван.

— Молчи! — Лысый показал на шагающего по песку Однорукого, сообщил шепотом: — Он очень тонкие уши имеет.

Однорукий подошёл к окну, потер ладонью по меди. Окно отворилось. Однорукий шагнул в тёмный проём и окно захлопнулось.

Лысый тотчас спросил шёпотом Гедевана:

— У тебя на Земле ещё спички имеются?

— Имеются...

— Сколько ты нам дашь, если мы тебя на Землю положим?

— А сколько надо? — вяло спросил Машков, доставая спички.

— Два таких полных коробок, — прошептал Бородатый, жадно глядя на спички.

— Семь! — шёпотом поправил Лысый, строго посмотрев на Бородатого. — И все, что у тебя есть, сейчас. Я буду Гравицаппу покупать!

— Какую гравицаппу?

— Новую! — начал раздражаться Лысый.

— Ку, — Бородатый попросил Лысого, чтобы он помолчал и объяснил: — Гравицаппа, родные, это то, без чего пепелац, — он постучал по полу ракеты, — может только так летать, — он изобразил рукой горизонтальный полет. — А с гравицаппой мы на любую планету — пять минут.

— Извините, а машинок перемещения в пространстве у вас нет? — спросил Гедеван.

— Есть! Давай спички, пацак!

— А зачем нам гравицаппа, если у нас машинка есть? Давайте на машинке полетим, — усмехнулся Машков.

— Родной, машинок перемещения в галактике Кин-дза-дза нет, — мягко сказал Бородатый. Когда мы сюда прилетели, у нас плюкане гравицаппу отняли. И теперь если мы гравицаппу не купим, будем до последнего выдоха над Плюком волочиться, понимаешь?

— А вот этот друг, — Машков кивнул на Лысого, — говорит, что у вас есть машинка. Неувязка.

— Я пошутил, — улыбнулся Лысый.

— Дайте нам воды, — сказал Машков и чиркнув спичкой, прикурил.

— Кю! — заорал Лысый на Машкова.

Бородатый укоризненно постучал по лбу и дунул на ладонь.

— Лысый извлек из-под кресла жестянку, покопался, достал кусок напильника, кремень и фитиль. Положил фитиль на кремень и стал что есть силы лупить напильником по камню:

— Это вот так надо делать! Вот так! Вот так!

Бородатый схватил его за руку, забрал все хозяйство и положил на колени Машкову.

— Это твоё, родной. Ты вот этим теперь кури.

Машков выпустил дым колечком.

— Так, — усмехнулся Машков. — Значит, ребята, вы русский язык только что выучили, да?

— Да, родной. Ты думаешь, а сопоставляем в развитии. Это просто.

— Ну, а что я сейчас думаю?

— Думаешь: Люська, зараза, сдались тебе макароны, — сказал Лысый. — И другие слова думаешь. Сказать какие?

— Ку! — донесся голос.

В проеме окна дома появился Однорукий. Он махнул рукой и скрылся.

— Говорят, есть гравицаппа! — Лысый открыл крышку прозрачного коробка, где лежала сера: — Клади спички, пацак!

Машков отрицательно покачал головой. Колокольчик в носу зазвенел. Машков снял его и выбросил в дверь.

— Такое предложение, дай-ка, — он взял у Лысого прозрачный коробок, положил его в карман. Это пусть лежит здесь. А когда вы нас на Землю-матушку положите, то получите.

— Родной, ты ж сказал, что если мы вас вывезем, ты нам все отдашь? Это некрасиво, упрекнул Бородатый.

— Я говорил: «до города».

— А это что?! — взревел Лысый, показывая на дом.

— Это сарай.

Лысый выпрыгнул из ракеты, стал бегать и топтать ногой по песку: — А это что?! — орал он при каждом ударе. — А это?! А это?! А это?! А?!

— Ладно. Кончай орать! — сказал Машков. — Неси сюда гравицаппу эту. Мы на неё посмотрим и если стоящая вещь может и купим.

Лысый поднял руку и пощекотал себя под мышкой:

— Ха-ха-ха! — издевательски захихикал он. — Какие балды мне сюда гравицаппу дадут, когда за контрабандный КЦ пожизненно в эчих с гвоздями кладут? У тебя, друг, в голове мозги или кю?

— Ладно. — Машков встал. — Мы сами купим. Пошли, скрипач, в открытый космос, — позвал он Гедевана и выпрыгнул из ракеты.

Гедзван подхватил скрипку и последовал за Машковым.

— Стойте! — Бородатый выскочил из ракеты, обогнал землян и распластался на земле перед Машковым. — Наступи на меня, родной! — взмолился он.

— Извини, родной, некогда. Ты полежи тут, я вернусь и мы займёмся этим делом.

Машков перешагнул через Бородатого, пошёл.

— Извините, — извинился Гедеван перед инопланетянином, и перепрыгнул через него.

Бородатый поднялся.

— Ку, — крикнул он Лысому.

— Стойте! Вместе пойдем! — крикнул Лысый. — Он подобрал колокольчик Машкова и побежал к землянам. — На одень! — Он протянул колокольчик Машкову.

— Сам одень. Тебе больше пойдет.

— Что?! — Лысый захлебнулся от бешенства. — Ты кто?! Кто?!

— Я пришелец, родной.

— Нет! Ты пацак! Ясно?! А ты кто?! — повернулся он к Гедевану.

— Я грузин. — Гедеван содрал колокольчик со своего носа.

— Нет! И ты пацак! А я — чатланин! И они чатлане! — он показал на дом. — Ясно, балды!

— Но, но, — с угрозой сказал Машков. — Ты подбирай выражения, чатлан.

— Секундочку! — к ним подбежал Бородатый. — На! Посмотри на меня! — он поднес к глазу Машкова прибор с окуляром. — Какая точка отвечает?! Зелёная?

— Ну?

— На него посмотри, — он нацелил прибор на Гедевана. — Тоже зелёная! И у тебя зелёная. А теперь на Уэфа посмотри! Какая?

В окуляре замигала оранжевая точка.

— Оранжевая! Так?

— Ну?

— Теперь понимаешь?

— Что?

— А то, что без цака тебя первый же эцилоп треклюкирует на хрен и "ха-ха-ха" скажет! — прорычал Лысый.

— Почему? — спросил Гедеван.

— А потому, что Плюк чатланская планета, балда! Здесь пацаки должны цаки носить и делать так: — Лысый пошлёпал себя по щекам, присел и выпрямился. — Ясно?!

— Не очень, ещё раз покажи, — попросил Машков.

— Вот так! — Лысый снова пошлёпал себя по щекам и присел и встал.

— Ещё разок, пожалуйста. И постарайся чётко выполнять.

Лысый тяжело вздохнул и опять пошлёпал себя по щекам и присел.

— Владимир Николаевич, родной, — прищурившись, сказал Бородатый. — У тебя дома жена, сын двоечник, за кооперативную квартиру не заплачено, а ты тут ваньку валяешь. Кончай, родной! Плохо кончится.

Гедеван взглянул на Машкова.

Тот задумался.

— Соглашайся, родной, — мягко сказал Бородатый.

— Ладно, — Машков затаился, бросил сигарету, притушил её ногой. — Поиграем в игры.

— Давай, — он взял у Лысого колокольчик, прикрепил его к носу.

Гедеван тоже прикрепил колокольчик.

— Вот и молодец, — похвалил Бородатый. — Теперь вы идите, а я покараулю. А то плюкане чужие вещи любят больше, чем свои.

— Пошли, — позвал Лысый.

— На четвереньках? Или можно на двоих? — спросил Машков.

— Здесь можно на двоих.

— Ну, на двоих, так на двоих, — и Машков широко зашагал к дому.

Гедеван за ним.

Лысый догнал их и зашептал на ухо Машкову:

— Ты свои спички им не показывай и про них не думай. Ты только кц в моей коробке показывай.

— Ладно.

— И больше, чем полспички, им не давай. Гравицаппа полспички стоит.

— Ты ж говорил, что всё надо.

— Я пошутил.

Они подошли к дому.

Лысый вошёл в окно.

Машков отколупнул от стены кусочек штукатурки, потер в пальцах.

— Пошли, пошли, — позвал Лысый.

Чердак.

— Цемент, марки триста, — сказал Машков Гедевану и они зашли в полутемное помещение, пол которого был засыпан песком.

На массивных квадратных столбах лежали бетонные плиты с ржавой арматурой. В конце помещения, над железной дверью светился оранжевый плафон.

Они пошли к двери.

— Извините, чатлане и пацаки это национальность? — спросил Гедеван Лысого.

— Нет.

— Лица с других планет?

— Нет.

— Классовая принадлежность?

— Нет.

— Биологический фактор?

— Нет.

— А что?

— Чатлане это чатлане, а пацаки — это пацаки.

— Извините, а чем они друг от друга отличаются?

— Скрипач, ты что дальтоник?! Зараза! — взорвался Лысый.

— Зелёный цвет от оранжевого не можешь отличить?

Лестница.

Лысый открыл дверь, и они оказались на лестничной клетке.

Машков заглянул в проем и присвистнул.

Лестница уходила вниз метров на сто, и там в глубине, на песке светился матовый шар.

— Небоскреб! — сказал Гедеван.

— Пошли, пошли! — торопил Лысый.

Спустились два марша.

Остановились перед дверью. Лысый потер её ладонью.

Дверь открылась. Высокая, коротко остриженная женщина, в тонком резиновом плаще. На руке у неё, на ремешке висел никелированный стерженёк. На груди — прибор с окуляром.

Женщина поднесла к глазу прибор и навела на Машкова.

— Делайте как учил, — шепнул Лысый.

Машков и Гедеван похлопали себя по щекам, присели, выпрямились, Машков улыбнулся даме и сказал:

— Привет, гражданочка.

Женщина смерила Машкова холодным презрительным взглядом, и кивком головы показала Машкову, чтобы он входил в дверь.

А Лысому сказала:

— Ку.

Машков сделал шаг. Лысый схватил его за рукав и торопливо зашептал:

— Пацак, они только тебя пускают. Ты, когда они тебе гравицаппу дадут, кц не отдавай, ты гравицаппу сюда носи, я проверю.

— Кю, — с угрозой сказала женщина Лысому и навела на него стержень.

— Тот сразу отпустил Машкова и покорно сел на ступеньки у дверей.

— А я? — заволновался Гедеван. — Господин Уэф, скажите, что мы вместе.

— Ты со мной сюда садись, — сказал Лысый.

— Владимир Николаевич...

— Ладно. Жди меня здесь. Никуда не ходи, — сказал Машков и вошёл в квартиру. Женщина закрыла дверь.

Квартира Криворотова.

Провела Машкова по длинному коридору, остановилась перед крашенной в оранжевый цвет дверью и потеряла её ладонью.

Дверь легко открылась и они вошли в большую квадратную комнату с серыми цементными стенами, полом из шестигранных плит и с тремя наглухо забитыми окнами.

Посередине комнаты, возле круглой тумбы, стоял сухой, высокий мужчина в ушанке Гедевана и пальто Машкова. Лицо мужчины пересекал лиловый шрам, верхняя губа была вздернута, обнажая оранжевые керамические зубы.

Перед ним на тумбе стояли бронзовая кружка, пузырек с зелёной жидкостью и стальная воронка.

В углу возле дверей сидел на корточках Однорукий.

Криворотый смотрел, не мигая, на Машкова глубоко запавшими маленькими глазами.

Женщина отошла от Машкова и присела на корточки рядом с Одноруким.

— Привет, как жизнь? — спросил Машков Криворотого и засунул руки в карманы. Тот не шелохнулся.

Пауза.

— Чего новенького на Плюке? — Машков старался скрыть волнение.

Снова пауза.

Однорукий тихим коротким свистом привлек к себе внимание Машкова, и похлопав по щекам, показал Машкову, что надо присесть.

— Присесть, говоришь надо? Что ж. Из уважения к присутствующим дамам.

— Машков присел, пошлёпал по щекам и встал.

Хозяева продолжали молчать.

— Вы по-русски понимаете? Если нет, пусть девушка моего чатлана позовет. Он переведёт.

— Не надо, — сиплым голосом произнес Криворотый. — Давай кц, будем проверять.

Машков достал из кармана прозрачный коробок.

— Подойди, — велел Криворотый.

Машков подошёл.

Криворотый взял тончайшую проволочку, дотронулся ею до серы в коробке, положил проволочку в углубление в тумбе и вставил туда воронку. Потом взял пузырек, с величайшей осторожностью капнул в воронку и отскочил.

Шип, свист, хлопок и воронка исчезла, оставив в потолке ровную дырку. Таких дырок там было немало.

— Клади кц, получишь гравицаппу, — сказал Криворотый и кивнул Однорукому.

Однорукий показал Машкову вороненый шар со штырями, пазами и шестеренкой, размером чуть больше теннисного мячика. Однорукий повернул шестеренку, шар загудел.

— Извините, я насчет гравицаппы не очень специалист, дайте я её своему чатлану покажу, — Машков показал на дверь.

— Он проверит.

— Сейчас. Сначала он профилактику сделает — Криворотый коротко свистнул.

Однорукий встал, взял с тумбы пузырек, открыл железную дверь, за которой оказалась нескончаемая анфилада пустых комнат и ушёл, прикрыв за собой дверь.

Криворотый посмотрел на рукав машковского пальто. Там было белое пятно. Криворотый взял кружку, налил на рукав, потёр вторым рукавом. Пятно не сходило.

— Вода? — спросил Машков, глотнул слюну.

— Вода.

— Вода не возьмет. Это эмаль. Растворителем надо, — посоветовал Машков.

— Криворотый поставил кружку на тумбу и сообщил Машкову:

— Раньше я в любой язык за полсекунды проникал. Теперь столько инопланетянин на Плюк насыпалось, трудно стало работать. — Растворитель я ещё не понимаю.

— Я вам пришлю, — пообещал Машков.

— Спасибо.

Помолчали.

— Может вы нальёте мне две бутылки воды? А я вам вот этого кц остаток, — Машков постучал по коробочку с серой.

Криворотый кивнул. Женщина встала, взяла у Машкова коробочек и скрылась за дверью, куда ушёл Однорукий.

Пауза.

Машков достал сигареты, протянул пачку Криворотому:

— Курите?

Криворотый молча взял сигарету, стал её рассматривать.

— «Космос» — улыбнулся Машков.

— Да, — согласился Криворотый и спрятал сигарету в карман. Машков извлек из кармана кремь, фитиль и напильник, посмотрел на Криворотого, приглашая его оценить нелепость ситуации, долбанул напильником по кремню. Посыпались искры. Кремь раскололся на три части.

Криворотый отшатнулся, потёр глаза:

— Так пожар можно устроить, — сказал он недовольно.

— Извиняюсь, не освоил еще... — Машков положил космический зажигательный набор на стол.

— Простите, а еда у вас есть какая-нибудь? — спросил он.

— Каша.— Какая?

— Рис.

— Ну, давайте, так. Мне надо пять килограммов риса и две канистры воды. Канистры у вас есть?

— Бочки. Полканистры. Это половину половину гравицаппы стоит.

— Тогда значит четыре бочки. А я вам, соответственно, пару штук... — Машков достал из кармана коробок спичек, выдвинул ящичек, достал спичку и показал Кривороту.

— Это что? — спросил Криворотый.

— Это кц.

— Надо снова проверять...

— Проверяйте.

— Криворотый повернулся к двери.

— Ку. — позвал он.

Никакого ответа.

— Не слышат, извините. — Криворотый взял у Машкова коробок, высыпал спички на ладонь, пустую коробку бросил на пол и пошёл к двери.

— Подождите... — Машков хотел что-то сказать, но дверь за Криворотым закрылась.

Машков подобрал коробок, положил в него оставшуюся спичку, спрятал в карман.

Лестница.

Гедеван и Лысый сидели на ступеньках.

— Господин Уэф, господин Би сказал, что вы сюда прилетели. Откуда вы прилетели? — спрашивал Гедеван.

— С Хануда.

— Хануд это страна, или планета?

— Планета. — Лысый нервно поглядывал на дверь.

— Чатланская или пацакская?

— Пацакская.

— Там вы с цаком ходили?

— Да.

— А как вы планеты определяете? Тоже визатором?

— Если Би в клетке поёт, то планета чатланская. Если я в клетке, то пацакская.

— А эцилопп — это полицейский?

— Эцилопп — это эцилопп.

Гедеван подумал и спросил:

— А по-грузински вы тоже можете проникать в сопоставление?

— Заткнись, обезьяна! Сын осла! — рявкнул Лысый на чистом грузинском.

Квартира Криворотого.

Машков взял обломок кремня, положил на него фитиль и начал высекать искру. Фитиль задымил. Машков подул на него и тут услышал сухое шуршанье. Он оглянулся и увидел, как из-под дверей струится песок. Машков подошёл к дверям, потянул, но дверь не открывалась. Он рванул что есть силы, дверь открылась и Машков отшатнулся — весь проем был заполнен песком. Песок хлынул в комнату. Машков выбежал из комнаты, побежал по коридору, песок преследовал его.

Лестница.

Машков выскочил на лестничную площадку, задыхаясь, спросил у сидящего на ступеньке Лысого:

— Где они?! Они отсюда вышли?

— Кто? — заволновался Лысый.

— Ну этот. Со шрамом!

— Нет. А что?

— Да я ему, балда, все спички отдал!

— Кю! — побагровев взвыл Лысый.

— Владимир Николаевич, песок! — крикнул Гедеван.

Машков посмотрел в пролет, он уже наполовину был наполнен песком и с лестниц десяти нижних этажей лился песок.

Машков оглянулся. Лысого уже не было. Машков побежал вверх. Гедеван — за ним.

Выбежали на чердак, в окне мелькнула фигура Лысого. Машков бросился за ним.

Дом в пустыне.

Лысый бежал по песку что есть силы в сторону от ракеты, в пустыню. Тут раздался пронзительный свист и из песка перед Лысым поднялась плоская никелированная ракета, зависла на полсекунды в воздухе и исчезла за горизонтом.

— Ракета, — прошептал Гедеван.

Машков подошёл к Лысому.

— Они? — спросил он.

— Лысый медленно повернулся. Глаза его наполнились слезами.

— Никогда, никогда Уэф с этого проклятого Плюка не улетит! Никогда Уэф Зетту не трэнклюкирует! Никогда!

Лысый повалился на бок на песок и затрясся в рыданиях.

— Ку? — крикнул бегущий к ним Бородатый.

— Ку! — жалобно пискнул Лысый.

— Ладно. Не реви. Осталось ещё, — Машков достал из кармана коробок со спичкой. — На гривицаппу хватит, насколько я понимаю.

— Мне давай! — Лысый тотчас вскочил на ноги. — Ты снова потеряешь. Балда! — он попытался вырвать коробочек у Машкова.

— Спокойно! — Машков сунул коробок в карман. — Не потеряю.

— Родной! Спичку быстро сюда клади! — тоже протянул руку подбежавший Бородатый.

— Зачем?

— Гравицаппу покупать!

— Где?

— В центре!

— А где центр?

— Там, — Бородатый махнул в сторону рукой.

— Далеко?

— День лететь.

— А до земли, говоришь, пять минут?

— Время жрут только взлет и посадка. Сам полет — миг. Клади спичку! Сам время тянешь, родной!

— Ну, хорошо. Допустим, я верю, что эта ваша керосинка межпланетная. Допустим. Вопрос: как вы собираетесь на землю-матушку нас доставить, если вы даже не знаете, в какой она галактике крутится?

— Номер твоей планеты, балда, любой планетарий в центре за два чатла выдаст! Спичку давай! — заорал Лысый.

— Чтобы вы нас потом песочком засыпали?

— Не даёшь? — с угрозой спросил Лысый.

— Нет.

— Это заднее слово? — спросил Бородатый.

— Заднее не бывает.

— Тогда вам налево — нам направо. Прощай, родной.

Инопланетяне развернулись и зашагали к своему пепелацу.

— Владимир Николаевич, улетят! — шепнул Гедеван.

— Не улетят. Они тут за спичку удавиться готовы.

Инопланетяне остановились, пошушукались. Потом Лысый крикнул:

— Или вы даёте нам сейчас спичку. Или мы вас меньше, чем за семь тысяч коробок на Матушку-Землю не положим.

— Дадим десять тысяч. Поехали, — Машков пошёл к ракете.

— Секунду! — поднял палец Бородатый. — Только ты не думай, что на Матушке, ты нам «прости-прощай» скажешь и вы уйдете.

— Хе-хе-хе! — Лысый пощекотал себя подмышкой.

— Нет, родной, — продолжил Бородатый. — Тебя мы выпустим из пепелаца, а этого, — он кивнул на Гедевана. — Оставим. И если ты через час со спичками не придёшь, мы улетаем, родной. — Да! — подтвердил Лысый. — На хрен!

— Ладно...

Все пошли к ракете.

— Извините, а где вы высадите Владимира Николаевича, — спросил Гедеван.

— В пустом месте... Где пацаков нет, — сказал Лысый.

— А как он там спички достанет?

— Не наша забота.

— Нет! Тогда вы нас до Батуми довезите! Владимир Николаевич, я дам адрес Алика...

— Батуми что? — спросил Лысый.

— Батуми город. Столица.

— Хе-хе-хе, — Лысый снова пощекотал себя. — Нашёл балдов! Хочешь, чтоб ваши пацаки там меня выловили и намордник одели? Вот! — он показал кукиш.

— Ладно. В Черемушках сядем. В зоне отдыха, — решил Машков. — Там и пацаков зимой нет, от меня недалеко.

— Пустые места и около Батуми есть, — возразил Гедеван.

— Нету, — сказал Машков. — Был я там. Там у вас со всего мира пацак на пацаке сидит, — сказал Машков.

— Это на пляже, а в горах...

— А в горах колхозники вкалывают. Поехали.

— Только учти, родной, — Би помахал пальцем перед лицом Машкова. — Обманешь — этот пацашёнок до последнего выдоха в клетке "ы-ы-ы" будет петь.

— Господин Би! — выкрикнул Гедеван. — Ни в какой клетке я петь не буду! Абсурд!

— Почему? — искренне удивился Бородатый.

— Соловей в клетке не поет, — объяснил Машков. — Полетели, братцы.

— Что? — взревел Лысый. — Я в клетке пою, а соловей не поет?! Кто он такой, ваш соловей? — Его любой дикий воробей за секунду сделать мочь! Меня дикий воробей сделать мочь, а?! А?! — Уэф подскочил к Машкову и толкнул его в грудь.

— Спокойно, — Машков схватил его за руку. — Дикий воробей тебе, чатлан, в лоб закатать не мочь, а я мочь. Учти для общего развития, родной.

Пустня.

Ракета летела над серой пустыней.

Рубка.

Машков и Гедеван сидели на динамиках. Машков дремал. Перед ним на полу стояли керамические чашки и миски с остатками каши.

Би, так звали Бородатого, расстелив на панели брезентовую сумку, приклеивал к ней резиновые латки.

Уэфа — это имя Лысого, в рубке не было.

— Две тысячи,— шепотом торговался Гедеван, держа в руке прибор с окуляром.

— Три, — отвечал Би.

— Две триста...

— Три.

— Две пятьсот. Больше не могу дать.

— Можешь, родной.

Гедеван покачал головой, извлек из портфеля мыльницу, открыл, вынул мыло, достал две двадцатирублевки.

— Господин Би, здесь пятьдесят рублей. Спички стоят две копейки коробка. Значит две с половиной тысячи, это всё, что я могу купить.

— Скрипач свистит, — вдруг прозвучал в динамиках голос Уэфа. — У него чатлы есть. Гедеван недовольно покосился на овальную дверь, на которой была нарисована рука с указательным пальцем вниз, вздохнул, достал из кармана трешку и рубль, показал Би.

— Господин, Би, это я не могу потратить. Это мне на проезд до Ярославля надо.

— Ладно, — не открывая глаз, согласился Машков.

Гедеван повесил прибор себе на шею.

— Би! — крикнул из-за овальной двери Уэф. — Владимир Николаевич думает, что на Матушке он нам в лоб закатает и они уйдут!

— Абсурд! — крикнул Би. — Он к двери пойдёт, если оглянется, я на цаппу нажму и мы тотчас в Кин-дза-дзе окажемся. Да, родной, — повернулся он к Машкову. — Такова жизнь.

Овальная дверь открылась и в рубку из тесного отсека вышел, подтягивая штаны, Уэф. Он захлопнул дверь, прошёл к своему креслу, сел, поднял ногу.

К подошве приклеилась зелёная латка. Уэф что есть силы потянул край латки, та не поддавалась.

— Ну, что уставился? — спросил он Машкова. — Клей хочешь?

— Плати ещё тысячу, балда.

— Скрипач, такое предложение, — не открывая глаз, произнес Машков. — Давай свяжем этих гавриков и возьмём курс на север.

Гедеван подумал, спросил:

— Зачем?

— Так. А вдруг там Средиземное, или какое-нибудь другое море плещется.

— Владимир Николаевич, ты что охренел, родной?! — встревожился Уэф. — Откуда, на Плюке моря? Абсурд! Из них давно луц сделали.

— Да, родной! Не надо нас вязать! Тут, куда не лети, только песок! — горячо подтвердил Би. Машков зевнул.

— Ладно. Временно снимаю свое предложение. Чатлан, — обратился он к Уэфу. — Налей ещё кружку воды.

Уэф подставил керамическую кружку под кран в панели, оттуда закапала мутная жидкость.

— На, — Уэф поставил перед Машковым кружку. — Это пятая.

— Четвертая, — поправил Машков.

— Ладно, — вздохнул Уэф. — С вас теперь двенадцать тысяч коробок и девять спичек.

Визатор вычти, — сказал Машков. — Визатор не берём.

Уэф содрал с Гедевана прибор, спрятал его в бардачок.

— Владимир Николаевич, давайте купим, — Гедеван умоляюще смотрел на Машкова. — Хоть какую-то технику привезём.

— Дай им за него скрипку, если он тебе так понравился.

— Как можно? Что вы? Она, наверное, очень хорошая. Рагозин заслуженный артист Удмуртский. Она тысячу рублей, или даже больше стоит. Что я ему скажу? Как расплачусь? Абсурд!

Инопланетяне переглянулись.

— Скрипач, ложку верни, — строго сказал Уэф.

Гедеван густо покраснел.

— Этот пацашёнок всё время думает, что он первый грузинский аэронавт, и что ему Нобелевскую премию дадут, — сообщил он Машкову. А сам ложки ворует. Ну, что уставился, балда?! — рывкнул он на Гедевана. — Ложку давай.

Гедеван вынул из кармана куртки медную ложку, положил на клетку.

— Я хотел её в институт цветных металлов сдать, — пробурчал, он. — Думал, может в ней какой-нибудь элемент для таблицы Менделеева есть.

— Би, ты когда-нибудь видел, чтобы такой маленький пацак был таким большим Кю? — воскликнул он, закатив глаза.

— Небо! — с шекспировским накалом воскликнул Би. — Небо не видело такого позорного пацака, как скрипач! Я глубоко скорблю, родные!

— Владимир Николаевич, трактор!

Пустыня.

Внизу по песку никем не ведомый трехколесный трактор, катил на прицепе конусообразные вагоны. За вагонами шло несколько человек с вёдрами.

— Что они везут? — спросил Гедеван.

— Песок везут, — сказал Би.

— Куда?

— В другой песок.

— А зачем?

— Когда песок на месте лежит — он песок и больше ничего.

— А когда его туда и обратно возят — это уже деньги, — объяснил Би.

Рубка.

Это точно, — подтвердил Машков.

Гедеван насупился, взял куртку и открыл овальную дверь, на которой была нарисована рука с указательным пальцем вниз.

— Ты куда? — строго спросил его Уэф.

— Сюда... В туалет.

— Деньги оставьте здесь. В туалет с деньгами нельзя.

Гедеван положил деньги на футляр и вошёл в тесный железный отсек, закрыв за собой дверь. Сверху опустилась тяжелая стальная штора.

Рубка.

Гедеван расстегнул ремень, спустил брюки, достал из кармана курточки металлический кубик, гайку, камушек, расстегнул молнию на карманчике плавок, все добро спрятал в карманчик, извлек из другого кармана куртки щепотку песка, засыпал его в карманчик плавок, закрыл молнию, поднял штаны, застегнул ремень, нагнулся, попытался поднять стальную штору.

Шторка не поддавалась.

Гедеван выпрямился и огляделся. Возле почерневшего зеркала из стены торчали три рычажка. Гедеван осторожно переключил первый, свет в рубке замигал. Шторка не шелохнулась.

Гедеван вернул рычажок на место и осторожно переключил второй рычажок — свет погас. Тогда Гедеван быстро вернул рычажок на место, свет зажегся. Гедеван осторожно попробовал третий рычажок, в унитазе зашумело, стальная шторка медленно поднялась и... в отсек хлынул ослепительно солнечный свет.

Катапульта в песках.

Гедеван зажмурился. Открыл глаза и увидел перед собой синее небо и сверкающий песок. На песке метрах в пяти перед Гедеваном стояло существо с хоботком вместо носа, с прозрачными ушами, в куртке, в коротких штанах. На спине — скатка. В руке оно держало целлофановую сумку Машкова.

— У-у-у, — загудело существо, покрутив хоботком.

Гедеван быстро опустил шторку.

— Так. Спокойно, — сказал он сам себе. — Он закрыл глаза, постоял некоторое время. Потом снова переключил рычажок. В унитазе опять зашумело. Шторка поднялась. Существо исчезло, ветер заметал следы, которые вели к одиноко торчавшей из песка бетонной трубе.

— Дядя Вова, — тихо позвал Гедеван.

Он нерешительно ступил из отсека, посмотрел на небо и увидел удаляющийся пепелац.

— Дядя Вова!!! — закричал Гедеван и побежал за ракетой.

Рубка.

— На, — Би поставил перед Машковым две большие сумки, — Двадцать тысяч коробок влезает? Или ещё сделать?

— Сколько? Откуда ты двадцать тысяч набрал?

— Воду пили? Пили! — ехидно спросил Уэф. — Пили! Кашу жрали? Жрали! Катапульту катата...

— Братцы, — перебил его Машков. — Давайте реально. У меня с собой рубль сорок. Вот сколько на них куплю спичек, столько и принесу. И баста. Больше мне негде взять.

— А вот ещё пятьдесят, — Уэф показал на оставленные Гедеваном деньги. — Это раз! У Люськи на книжке триста пятьдесят чатлов на холодильник лежит. Это два! И ты ещё к Брюшкиной в ремонтконтору можешь сбегать. Это три! Кончай мозги пудрить, пацак!

— Владимир Николаевич, такое предложение, — доверительно сказал Би. — Мы тебя выпустим, а скрипку оставим. Когда ты спички принесёшь, мы тебе её подарим. Ты скрипку загонишь и у тебя большой навар будет. Небо видит, что мы очень, очень мало просим, родной.

Машков поскреб подбородок:

— Вы уже и про Брюшкину... Слушайте, телепаты, зачем вам столько спичек? — переменял он тему. — Вы что планету хотите взорвать?

— Какой балда кц на планету тратить будет? — Планету трэнклюдатором трэнклюдуют. В тысячу раз дешевле! — возмутился Уэф.

— Кц — очень дорогое, родной.

— Почему?

— Кц — это положение в обществе, родной, понимаешь? — сказал Би.

— Не очень.

— Ну, как тебе объяснить? Что у вас на земле очень ценится? Что земляне пацаки покупают и прячут?

Машков пожал плечами:

— То, что очень дорого стоит. Верно?

— Ну?

— И за что их потом остальные пацаки уважают? За то, что у них есть то, чего у других нет. — Так?

— Ну,... это смотря где... А кц это что, сера или селитра?

— Кц — это кц, — сообщил Уэф. — Когда у меня один грамм кц есть, тогда желтые штаны носить мочь. И передо мной пацак не один, а два раза должен приседать и "ку" говорить. Ясно? А если у меня два грамма кц есть, я малиновые штаны носить мочь, и меня энцилопп ночью не имеет права бить. А если я больше трех грамм кц спрятал, то передо мной и чатланин на чатланской планете должен приседать и "ку" говорить. Ясно?

— Но это государственная монополия, родной, это очень строго. Поэтому ты свою спичку спрячь и не думай про неё. За контрабандный кц пацака трэнклюкируют на месте. Понимаешь?

— Пацак, такое предложение, — прищурился Уэф. — Ты спичку сейчас нам давай, а мы тебе потом жёлтые штаны привезём. Идет?

— Спасибо, но у меня уже есть, — Машков подтянул брюки. Под ними оказались жёлтые кальсоны. — Может скрипачу нужны. Скрипач! — позвал он. — Тут инопланетяне штанами фарцуют. Тебе жёлтые нужны?... Скрипач, ты слышишь?

— А скрипача, нет, родной, — сказал Би.

— Давно, — подтвердил Уэф.

— В каком смысле? — Машков посмотрел на овальную дверь.

Над дверью тревожно мигал зелёный плафон.

— Я его скатапультировал, — сказал Уэф.

Машков встал, открыл дверь.

Под нею плыл песок.

— Пацак, ты не волнуйся. У нас запасная катапульта есть. Новая, — сказал Уэф. — А та уже всё равно испортилась.

— А где... — Машков не смог договорить.

— Я кнопку нажимал и он улетел на хрен, — улыбнулся Уэф.

— Скрипач не нужен! Он только топливо лишнее жрёт.

— Да, такова жизнь, родной, — вздохнул Би и глаза его увлажнились. — Небо видит, как я скорблю.

— А ну, разворачивай! Быстро! — заорал Машков.

— Не можем уже, родной. Топливо кончается, — Би постучал по прибору на панели. — На луцеколонку надо лететь.

Машков огляделся. Поднял с пола чугунок.

— Разворачивайте, гады! Руки, ноги повыдергиваю!

Катапульта в песках.

— Скрипач!... Скрипач! — звал Машков, стоя у пустой катапульты. — Ну, куда он мог деться?!

— Его, наверное, эцилоппы выловили... Полетели, родной, — сказал Би.

Он и Уэф стояли в дверях пепелаца.

— Убить вас мало! Давай срочно запроси по рации этих ваших эцилоппов! Где он?! — заорал Машков. — Ну! Кому говорят?!

— Рации у нас нет. Мы её выкинули, родной, — вздохнул Би.

— Врёшь.

— Нет, родной. В ней всё время кричали: — "Помогите-помогите-погибаю! Помогите погибаяю!" — А мне всегда всех жалко.

— Эти плюккане совсем совесть не имеют, — сказал Уэф. — Знает, зараза, что бесплатно никто не спасёт, а все равно будет орать, чтобы всем хорошее настроение пудрить.

— Эцилопп! — испуганно воскликнул Би.

В небе над бетонной трубой завис большой чёрный летательный аппарат. От него отделился маленький аппарат с мигалками и пошёл на посадку.

— Пацак! Цак одевай! — истерично крикнул Уэф Машкову.

— Разбежался! — скрипнув зубами, процедил Машков.

Би прицепил колокольчик к носу, выпрыгнул из ракеты и кинулся к Машкову.

— Владимир Николаевич, родной, одень цак! Иначе он трэнклюкирует тебя. И спичку! — взмолился он.

— Посмотрим! — Машков засунул руки в карманы брюк.

Большой аппарат полетел над пустыней, а маленький бесшумно опустился около трубы.

Дверь откатилась и на песок выпрыгнул эцилопп — приземистый кривоногий мужчина в черном резиновом трико, в чёрном резиновом колпаке, на макушке которого крутилась мигалка. На руке у эцилоппа висел стерженёк.

Уэф и Би пошлёпали себя по щекам и подобострастно присели перед эцилоппом.

Эцилопп посмотрел на Машкова через визатор, усмехнулся, подошёл к нему и направил на него стержень.

— Ку! — жалобно пискнул Уэф. Он упал на песок, быстро пополз к эцилоппу и попытался поставить его ногу к себе на голову.

Эцилопп носком резиновой тапочки поднял голову Уэфа и сказал мягко:

— Ку-ку.

Уэф поднялся, полез в карман, вынул две монеты, протянул эцилоппу и лучезарно улыбнулся.

Эцилопп снова навел стерженек на Машкова.

Уэф вздохнул, вытащил из-за пазухи пластиковый мешочек и достал оттуда ещё две монеты. Эцилопп помотал головой. Уэф тяжело вздохнул и отдал ему все. Эцилопп спрятал деньги в карман, повернулся к Машкову и сказал строго:

— Ку!

— Ну что кукукаешь? Скажи лучше, тут парнишка был. Где он? Куда вы его дели? — свирепо спросил Машков. — По-хорошему спрашиваю?

Эцилопп недобро улыбнулся, оскалив зелёные керамические зубы, навел стерженёк на бетонную трубу, нажал кнопку и труба, будто срезанная бритвой, рухнула.

— Цак! — ласково сказал эцилопп и ткнул стержнем в живот Машкова.

Машков, играя желваками, достал из кармана колокольчик, прицепил его между ноздрей и, приблизив лицо к эцилоппу, замычал:

— Му-у-у!

Эцилопп отскочил и ударил Машкова стержнем по голове.

Машков упал.

— Му-у, — улыбнувшись, передразнил Машкова эцилопп. Сел в машину, развернулся. Въехал в ракету. Дверь захлопнулась и ракета, сверкая мигалками, взвилась в небо.

Машков поднялся, потряс головой. Колокольчик зазвенел.

— Небо, небо не видело такого кю, как ты, Владимир Николаевич! Все что мы накопили, ты в эцилоппа положил! — с горьким упреком сказал Би. — Владимир Николаевич, ты кю, родной!

— Я говорил, скрипач не нужен! Говорил?! Вот результат! — брызгая слюной, завопил Уэф. — На что теперь луц купим?! Говори, балда, на что, а?!

Машков дрожащей рукой сунул в рот сигарету, достал из кармана коробок, чиркнул, прикурил от единственной спички! Последней!

Уэф побелел и взялся за сердце.

— Пацак... а... а... — он хотел выругаться, но воздуха не хватило и инопланетянин без памяти рухнул на песок.

Слезы покатались по лицу Би.

— Небо! Небо не хочет, чтобы я когда-нибудь свой родной, любимый Хануд купил! — воздев руки к небу, воскликнул он и подхватив Уэфа под мышки, поволок его к пепелацу.

Машков пошёл за ними.

— Слушай, Би, чего вы паникуете? А вот, — Машков показал спичечный коробок. — Ведь тоже кц, наверное, — он постучал пальцем по боковине коробка.

— Это не кц! Это кю! — глотая слезы, воскликнул Би, — Помоги.

Машков взял Уэфа за ноги и они с Би стали запихивать чатланина в пепелац.

— Такое предложение, — сообразил Машков. — Разыщем скрипача и полетим к местному правительству... Скажем, откуда мы, кто... Дадут нам эту, как её... гравицаппу. Взаимовыгодную торговлю можно организовать. Мы вам кц, вы нам...

— На хрен... — встав на четвереньки, слабо проговорил Уэф и пополз в рубку.

— К правительству лететь — гравицаппу надо иметь. — Би залез в ракету. — Правительство на другой планете живет. — Би выкинул на песок портфель и скрипку. — Прощай. Такова жизнь, родной, — вздохнул он и захлопнул дверь.

— Стой! Куда вы?!

Загудел мотор. Лопасты винта закрутились. И пепелац улетел.

Машков сел на обломок трубы. Задумался. Так он сидел долго. Потом спрятал погасший чинарик в печку, встал, взобрался на обрез трубы, огляделся. Кругом пески, пески... И вдруг: — Дядя Вова!

Машков замер. Оглянулся.

Из открытого люка среди обломков трубы торчала голова Гедевана.

Подземелье.

Машков и Гедеван с вещами шли по освещенному матовым светом туннелю.

— Вот! — возбужденно шепнул Гедеван, когда они свернули за угол.

В нише стоял летательный аппарат на высоких ножках.

— Пепелац? — тихо спросил Машков.

— Наверное... Пойдемте, там ещё что-то есть! — Гедеван был очень возбужден.

Прошли ещё метров двадцать. Гедеван остановился.

— Вот! — он показал на стену. — Тот с вашей сумкой, такой же был!

На стене был высечен барельеф: существа с хоботком катаются на карусели.

— Пойдемте! Это ещё не все! — позвал Гедеван.

Пошли.

— А людей ты тут не встречал? — спросил Машков.

— Сейчас сами все увидите, — загадочно улыбнулся Гедеван.

— Одень цак, — потребовал Машков.

— Зачем? Тут можно так.

— Одень!

Гедеван неохотно нацепил колокольчик.

Свернули в узкий коридор.

Мастерская.

Здесь! — шепнул Гедеван и открыл асбестовую дверь. Они вошли в закопчённое помещение с низким потолком. Вдоль стен на крюках висели брезентовые маскхалаты. На полу валялись кисти, обрезки материи, резины, пластика. Возле обитой медными пластинками, двери стояли чаны с краской и большой чугунный аппарат, напоминающий ножную швейную машинку без кожуха.

— Теперь — смотрите! — прошептал Гедеван и переключил вмонтированный в стену рубильник.

Тихо заскрежетала плюканская музыка. Медная дверь бесшумно растворилась и в комнату, пританцовывая, вошла изящная девушка в серебристом плаще. В руке она держала керамическую пиалу.

— Ку-у, — нежно пропела девушка, остановившись перед землянами и грациозным движением дотронулась пальчиком до своей высокой прически.

— Ку, — сказал Гедеван и похлопал себя по голове. — Знакомьтесь, это Владимир Николаевич, — представил он Машкова.

— Здравствуйте, — Машков тоже пошлёпал себя по макушке.

— Ку-у-у, — снова пропела девушка. Она взяла из пиалы щепотку песка, подняла руку, запрокинула голову, и струйка песка полилась на её лицо.

— Чего она говорит? — тихо спросил Машков Гедевана.

— Песок хвалит.

— Ку! — девушка откинула пиалу и закружилась в плюканском танце.

— Спроси: — это её ракета там стоит? — шепнул Машков.

Сейчас.

— Девушка, скажите, пожалуйста, — Гедеван пошёл к танцовщице. И... прошёл сквозь нее.

Машков оторопел.

Гедеван сиял.

— Видели, смотрите! — Гедеван провёл рукой. Рука беспрепятственно пересекла девушку. — Это объёмное видео! — крикнул он. — Переключите вниз. Там ещё лучше программа идет! Машков нерешительно передвинул рычаг.

Музыка смолкла. Видео-чатланочка исчезла.

— Ы-ы-ы... — вывел трели сильный драматический тенор и в комнату стремительно вошёл кучерявый мужчина в сиреневых галифе и куртке с

ажурными резиновыми кружевами. За ним, на четвереньках, поспешал безволосый толстяк с колокольчиком между ноздрей.

Оба проскочили сквозь Гедевана и затормозили перед Машковым.

— Ку! — Кучерявый дотронулся до плеча Безволосого, показал ладонь Машкову, крикнул: — «Ку!» — и взял на самой высокой ноте: — "Ы-ы-ы".

— А этот, что хочет? — спросил Машков.

— Это не то! Дядя Вова, ещё чуть ниже переключите! — попросил Гедеван.

Машков переключил.

Кучерявый с Безволосым исчезли.

— Ку! — раздался грозный окрик и в комнате появился нечёсанный малый в брезентовом плаще.

— Эх! Это тоже не то! Дайте я сам. Тут такие девушки... Вах!

Гедеван хотел пройти сквозь малого, но наткнулся на него.

Малый оказался из плоти.

— Кю! — выругался Малый.

— Извините, пожалуйста!

— Ку! — Малый показал гостям, чтобы они убирались.

— Секундочку! Товарищ, это ваш пепелац там стоит? — спросил Машков.

— Ку! — Малый снова указал на дверь и поднял с пола железный прут.

— Спокойно! Не торопись, родной! Такое предложение! Мы пацаки с планеты Земля. У нас там кц — во! — Макшов провел ребром ладони по лбу.

— Если ты доставишь нас на Землю, мы дадим тебе столько кц, сколько сможешь увезти. Идет?

Детина опустил прут:

— Покажи кц, — попросил он.

— Нет с собой. Все дома осталось. Там! — Машков показал пальцем на потолок. — Вот только коробка от кц. На, смотри! — он достал коробок из-под спичек. — Видишь?

— Пойдем, — сказал Малый и вышел в коридор.

Они шли по тоннелю.

Извините, то что мы видели — это голография? — спрашивал Гедеван Малого.

— Нет. Это Пж, — ответил Малый и свернул в узкий коридор.

— Э... Гражданин! Господин чатлан! — позвал Гедеван.

— Чего?

— Извините, но пепелац там, — Гедеван показал в обратную сторону.

— Там чужой. Мой тут, — сказал Малый и нажал на кнопку. Стена раздвинулась, за ней оказалась пустыня.

Ворота в пустыне.

Малый показал, что надо выходить.

Гедеван ступил на песок. Машков задержался.

— Слушай, — сказал он. — Только учти, мы номер свой не знаем.

— Учту,— кивнул Малый. — Иди.

Машков повернулся. И тут получил сильный пинок под зад.

Он пробежал несколько шагов и упал в песок.

Ворота с лязгом сомкнулись.

— Так! Спокойно! — Машков вскочил, кинулся к воротам.

Хотел было раздвинуть их, но тут же отдернул руку.

— Дядя Вова! — крикнул Гедеван.

— Спокойно! Этот гад электричество включил!

— Железная дорога!

Железная дорога.

По пустыне по ржавым рельсам катила железнодорожная платформа. На платформе на четырех медных столбиках покачивался пластиковый гамак под навесом. Рядом стояла никелированная клетка. В клетке на подушечке сидела темнокожая девушка с колокольчиком в носу. Она прозрачной леской зашивала дыру в полосатой майке, похожей на морскую тельняшку. От клетки к гамаку тянулась верёвка, на которой висели резиновые колготки и прочее из женского туалета.

— Стой! Стой! — Машков и Гедеван, звеня колокольчиками, бежали наперерез платформе. Платформа остановилась. Девушка вышла из клетки, закутила маленькую изящную кофемолку, завияла бедрами и запела:

— Ы-ы-ы-ы...

— Не планета, а сплошная филармония, — задыхаясь, проворчал Машков. — Ку! — выдохнул он, подбежав. Присел и выпрямился. — Приседай! — велел он Гедавану.

— Зачем? Она тоже пацашка, — запротестовал Гедеван. — Или, вообще видео. Я же говорил: визатор надо купить! Девушка, извините, вы кто?

Девушка перестала петь и сказала низким грудным голосом:

— Два чатла плати за выступление.

— Извините, нету, — смутился Гедеван.

— Хамство, — вздохнула девушка и платформа поехала.

— Стой! Погоди! — Машков побежал за платформой.

Платформа затормозила.

— Что надо? — хмуро спросила актриса.

— Девушка, вы куда едете?

— А твое какое дело?

— Она не видео, — сказал Гедеван.

— Довези нас куда-нибудь, — попросил Машков.

— Чатл, — девушка протянула руку.

— На, часы!

— Пока.

Платформа снова двинулась.

Земляне побежали за ней.

— Девушка, возьми нас, а я отработаю! — кричал на ходу Машков.

— А что ты умеешь?

— Все! Я строитель! На бульдозере могу! На кране! Ну, там, ремонт...
Профилактика!

— Это никому не надо.

— Возьми! Я платформу толкать буду!

— Зачем? Она сама едет. А ты что-нибудь умеешь? — крикнула она
Гедевану.

— Я? Я английский знаю! Французский слабо! — перечислял Гедеван,
бегущий. — По шахматам у меня первый разряд. По пингпону второй.
Стихи пишу...

— А, ну вас в болото! — махнула рукой девушка. — Нашли дурочку!

Платформа прибавила скорость.

— Стой! — заорал Машков. — Деловое предложение!

Платформа остановилась.

— Мы выступить с тобой будем! Я петь, плясать. Скрипач на скрипке сыграет.

— Сыграй, — сказала девушка Гедевану.

Гедеван покраснел.

— Я не умею, — виновато сказал он.

— Я умею! — Машков вырвал футляр у Гедевана, вынул скрипку и смычок, футляр бросил на рельсы.

— Дядя Вова! Чужая скрипка!

— Спокойно, скрипач! И Машков зажал скрипку подбородком, нещадно фальшивя, запиликал нехитрую песенку, которую разучивают в начальных классах детских музыкальных школ.

— Тихо! — остановила его артистка. Взяла "кофемолку" и приказала: — Давай сначала.

Машков заиграл. Девушка крутанула ручку "кофемолки" и из невидимых динамиков полилась музыка, по отвратительности звучания сравниваемая лишь со звуком бритвы, проводимой по стеклу.

— И пой, — велела девушка.

— Сейчас! Как там? Ага, вот: — Машков запел, подыгрывая себе на скрипке:

Мама, мама, что я буду делать?

Мама, мама, как я буду жить?

У меня нет теплого пальтишки,

У меня нет теплого белья.

— Ы-ы-ы, — хрипло взяла девушка и затряслась.

Машков перестал играть.

— Сойдет? — робко спросил он.

— Ты садись, — сказала ему актриса. — А ты... — она посмотрела на Гедевана, задумалась.

— Я барабанить могу, — пробурчал Гедеван и покраснел.

Железная дорога №2.

Оранжевое солнце висело над горизонтом, косыми лучами освещая пурпурные пески Плюка. Платформа бесшумно, как во сне, катилась по рельсам. Девушка сидела в клетке на подушке, земляне, — перед ней на курточке Гедевана. Голову Гедевана украшала пилотка из газеты.

Машков мастерил вторую.

— Цан, а можно ещё на скрипке, как на мандолине сыграть. — Предложил Гедеван. Он взял скрипку, проверил пальцем строй, — Дядя Вова дайте спичку, пожалуйста.

Машков посмотрел на него.

— Извините, забыл, — вздохнул Гедевай. — Ничего, я ногтем.

Гедеван заиграл "Сулико".

— Не надо. Отсебятина. Маму будем петь, — сказала Цан и улыбнулась Машкову.

Машков закончил шапку. Надел.

— Цан, посмотри, а вот Батуми, — Гедеван показал пальцем на фотографию на стиге газетной пилотки Машкова. На фотографии был запечатлён колхозник на фоне чайной плантации. Бату-у-ума, — мягко повторила Цан, глядя в глаза Машкову.

— Нет, Батуми — это город. А это, — Гедеван похлопал Машкова по плечу,
— Владимир Николаевич.

— Дядя Вова, — нежно сказала девушка.

— А меня зовут Гедеван, — сказал Гедеван.

— Ты говорил, скрипач, — напомнила Цан и подмигнула Машкову.

— Цан, у тебя воды не найдётся? — спросил Машков.

— Найдётся, — ласково ответила девушка.

— Угостишь?

— Угощу потом. После выступления.

— Ясно. — Машков открыл портфель, вынул пучок травы и нож. —
Высушим, покурим. Не возражаешь? — спросил он Гедевана.

— Что вы?! Пожалуйста! — Цан, это грузинская трава киндза.

— Кин-дза-дза, — поправила Цан.

— Нет, Цан, — улыбнулся Гедеван. — Кин-дза-дза — это ваша галактика, а
киндза — это наша трава. Вах! Как я раньше не додумал? Владимир
Николаевич, а может это не совпадение, а? Может кто-то из наших когда-то в
древности уже прилетал сюда и отсюда это название? А что? Почему нет?

— Из Батуми прилетал, — сказала Цан и снова подмигнула Машкову.

— Нет, почему обязательно из Батуми... Это ж так... Гипотеза...

Машков положил траву на футляр и стал нарезать её на узкие полоски.

— Цан, извини, а вот такие, с хоботками, это кто? — спросил Гедеван.

— Никто. Фитюльки.

— В какой смысле?

— Во всех. Болтают, что они тут раньше до плюкан жили.

— Но это так... Трёп.

— Цан, а еда у тебя есть? — спросил Машков.

— У меня всё есть, дядя Вова, — многозначительно сказала Цан.

— Дядя Вова, шлюпка! — сказал Гедеван.

Впереди на песке полусгнившая шлюпка.

— Скоро будем выступать. — Цан прикрепила колокольчик к носу.

Машков и Гедеван последовали её примеру.

— Цан, если тут раньше море было, почему ракушек нет? — спросил Гедеван.

— Из них луц сделали.

— Чем думали эти плюкане, когда все уничтожили. Как тут можно жить? — возмутился Гедеван.

— Лично я довольна, что меня сюда занесло, — сказала Цан.

В этой галактике Ки лучше, чем Плюк планеты нет.

— А что на твоей Зетте ещё хуже было?

— Воздух.

— Воздуха не было?

— Был, но не у всех.

— Как это? — поднял голову Машков.

— А так. У кого есть чатлы, тот покупает кусок воздуха.

— И это его воздух. А если я подышала его воздухом, то мне надо платить,

— Цан выразительно посмотрела на Машкова. — Вот так-то.

— Катер! — воскликнул Гедеван.

— Впереди из-за бархана показался катер.

— А как определить, где чей воздух? — спросил Машков.

— Ну вот, смотри. Вот твой участок воздуха. Вот его. А между ними безвоздушное пространство. Элементарно.

— А у кого денег нет, тот чем дышит?

— А тот не дышит. Тот последний выдох в шарик выпускает.

— Ну ладно, приехали... Приготовились! — Цан взяла кофемолку, встала. — Играем, как репетировали.

— Буксир, — сказал Гедеван.

Машков аккуратно собрал нарезанную траву, спрятал её в нагрудный карман и взял у Гедевана скрипку и смычок. Гедеван поднял футляр.

Катер.

Платформа остановилась у катера.

Это был ржавый большой буксир со свежескрашенной оранжевой рубкой. Поломанная мачта, упиралась в фальшборт, лежала клотиком на песке. К фальшборту был привязан большой серый шарик.

— Заходите, ребята, — позвала Цан, освобождая место в клетке.

— Цан, в клетке мы петь не будем. Это унижительно, — твердо сказал Гедеван. — И тебе не позволим! Выходи! Пусть попробует кто-нибудь что-то сказать. Я с ним поговорю!

— Кю! — раздался истеричный вопль и их рубки на палубу выскочил взъерошенный, небритый мужик, с лицом помятым, как привокзальный пирожок.

— Кю! Кю! Кю! — завизжал Пирожок, поглядев на артистов. Он двумя руками содрал привязанный к борту серый шар и сжал его руками. Шар с шумом лопнул. Пирожок бросил на палубу остатки и скрылся в рубке.

— Чего он сказал? — спросил Машков.

— Говорит, чтобы мы не выступали. У него башка болит. Ребята, подтяните телегу, а то тут подъем, — попросила Цан.

Машков положил скрипку на платформу, соскочил на шпалы и приналег на платформу.

Та не двигалась с места.

— А шарик зачем он раздавал? — спросил Гедеван.

— Потом расскажу, Ты, скрипач, не филонь! Помоги дяде Вове, — сказала Цан. Гедеван спрыгнул, но не успел он прикоснуться к платформе, как та быстро покатилась.

— Привет, ребята! — крикнула Цан и выбросила на песок скрипку, портфель и футляр.

Платформа, развив скорость, мгновенно превратилась в точку в далекой перспективе рельс.

— Уехала, — удивился Гедеван.

— Такова жизнь, родной, — сказал Машков голосом Би и пошёл за вещами.

— Кю! — из рубки выскочил Пирожок с тяжелой чугунной трубой в руках и провел невидимым лучом по рельсам. Рельсы запузырились и растеклись по песку.

— Кю! — Пирожок провел трубой у себя под ногами.

— Лазер, — шепнул Гедеван.

— Здравойся! — в панике шепнул Машков Гедевану. — Присел, хлопнул себя по щекам и крикнул:

— Ку!

— Ку! — пустил петушка Гедеван и зашлёпал себя по щекам нещадно.

Пирожок наконец обратил внимание на землян.

— А где ещё одна штука? — спросил он, тяжело дыша.

— Уехала и нашу клетку увезла. Ку, дорогой! Ку! — Машков снова похлопал себя по лицу и присел.

Пирожок вздохнул, положил трубу на борт и задумался, глядя на землян тяжёлым свинцовым взглядом.

Помолчали.

Вдруг раздался скрип, скрежет и корма катера, развалившись, грохнулась на песок. Пирожок мельком взглянул на обломки и, вернувшись взглядом к землянам, начал бить по фальшборту пальцем и размеренно выговаривать:

— Идите и передайте Пж, что Кырр был вынужден трэнклюкировать шарик своего отца, чтобы его последний выдох не видел, как на Плюке пацаки перед стопроцентным чатланином без клетки хотели петь.

— Слушаюсь! — козырнул Машков. — За мной, скрипач! — и зашагал по рельсам.

— Есть! — крикнул Гедеван и побежал за Машковым.

— Стоять! — грозно крикнул Пирожок.

Земляне застыли.

— Передайте ему, что не для того мы его выбрали, чтобы он спокойно смотрел, как каждую ночь над моей головой висела и нахально светилась эта пацакская планета Зетта! — Пирожок показал на небо.

— Слушаюсь! — сказал Машков.

— Есть! — крикнул Гедеван.

— Стоять! И передайте этому клоуну, что если он не приступит к трэнклюкации... то я... Хотя нет! Я ему сам все скажу!

Пирожок по трапу спустился с катера, взял трубку на плечо и зашагал по песку навстречу заходящему солнцу.

Шпалы.

Смеркалось. Машков и Гедеван топали по шпалам,

— Все должно развиваться в естественной гармонии, — говорил Гедеван. — Нет, дядя Вова?

— Да. Коли есть рельсы, то должен быть и вокзал.

— Нет, я о чем говорю... Лично я считаю, что техническая мысль не должна бежать впереди общественного сознания. Иначе плюкановский абсурд можно получить. Как вы думаете?

— Одного не могу понять, скрипач, хотел стать дипломатом, а пошёл в текстильный. Ну, понимаю, в Иняз или педагогический. Почему? — помолчав, спросил Машков.

— В педагогический Алик не пустил.

— Алик кто? Брат?

— Папа.

— Мать жива?

— Нет. Меня Алик воспитал.

— Он текстильщик?

— Текстильщик дядя, Алик учитель.

— Язык преподает?

— Английский.

Помолчали.

— А я одним только иностранным овладел. Но зато в совершенстве, — сказал Машков. — Вот спроси меня, как по пацако-чатлански будет "Спокойно, скрипач. Если есть на этом Плюке где-нибудь гравицаппа, то мы её достанем. Не такое доставали". Спроси!

— Я и сам знаю. "Ку".

Космическая свалка.

Жёлтое солнце наполовину спряталось за горизонт, а рядом вошло второе — огромное, лиловое...

И, слившись, лучи двух солнц осветили фиолетовым светом свалку проржавевших и истлевших пепелацев и космических кораблей самых причудливых форм и конструкций. Машков и Гедеван сидели на сопле ракеты типа Шатл. Машков курил самокрутку из пряной травы. Гедеван слушал наушники магнитофона.

Машков закашлялся.

— Отрава! — он посмотрела на Гедевана и заметил, что по его щеке катится слеза. Дай послушать, — попросил Машков.

Гедеван снял наушники, протянул Машкову. Из наушников загремел панк-рок...

— А... Это я не люблю, — Машков вернул наушники.

Гедеван выключил магнитофон, поставил его на сопло, и лег, свернувшись калачиком. Вдалеке пролетел, сверкая мигалками, эцилоппский летательный аппарат.

Машков затушил окурок, вздохнул, надел наушники, включил магнитофон. Послушал, послушал земное. И тоже прослезился.

Ярославль.

Набережная. Заиндевевшие деревья. Длинные тени на свежем снегу. Гедеван в газетной пилотке, в желтых резиновых штанах, в желтых тапочках идет за представительным мужчиной в дубленке вдоль литой ограды.

Мужчина (на ходу): — Гедеван Александрович, я понимаю, когда речь идет о пропуске без уважительных причин одного или даже двух дней. Но шесть лет! Какой может быть разговор о восстановлении? Абсурд!

Гедеван (волнуясь): — Константин Борисович, мы с Владимиром Николаевичем получали два чатла за выступление. Вода и каша — полчатла в день. При самом строгом режиме экономии. Штрафы эцилоппам в среднем

один чатл в три дня. А гравицаппа стоит пол-кц. Считаем. Пол-кц делим на десять, вычитаем переезды — получаем шесть лет. Раньше я никак не мог вернуться.

Мужчина: — Милиграмм кц — это сколько в переводе на чатлы?

Гедеван: — Двадцать тысяч!

Мужчина: — Дороговато!

Гедеван: — Дикие нравы. Константин Борисович. Лично я считаю, что всё должно развиваться в гармонии. Иначе плюканский абсурд может получиться.

Мужчина: — Всё это хорошо Гедеван Александрович. Но мне нужны не слова, а оправдательные документы. Справки, так сказать.

Гедеван достает из кармана керамический квадратик и гайку.

Гедеван: — Вот чатл. Вот цак. А гайку и песок я приложил к объяснительной записке и сдал в деканат Валентине Ивановне.

Мужчина: — Гедеван Александрович, вы же взрослый человек. Проучились один семестр, исчезли на годы. Появились с каким-то кусочком глины, колокольчиком от донки и претендуете на функционирование. Тоже, вы меня извините, абсурд!

Гедеван: — У меня не только колокольчик. У меня ещё вот. — Достает из портфеля шар со штырями, поворачивает его, шар гудит. — Только это я не могу отдать. Это я вместе с песком должен отправить в Академию наук.

Мужчина (вздыхнув): — И ещё, если вы способны музицировать, почему вы никогда не принимали участия в институтской самодеятельности? Вы меня извините, скрипач, но это элементарное ку!

Гедеван: — Я не музицировал. Я только пел: Ы-ы-ы...

Космическая свалка.

Утро. Гедеван спал на песке возле ржавой ракеты. Он дергался во сне и мычал: Ы-ы-ы...

Машков сидел на сопле, брился заводной бритвой, думая свою горькую думу.

За ним простиралась свалка.

Машков выключил бритву, открыл бутылку чачи, намочил платок, стал протирать лицо. Застыл. Прислушался.

— Скрипач! — затеребил он Гедевана.

Гедеван замолк, открыл глаза, ошалело посмотрел на Машкова.

— Отчислили, — сообщил он.

— Тихо!

Из глубины свалки донеслось: Ы-ы-ы...

— Ы-ы-ы... — трясся на краю свалки в клетке Би.

— Ы-ы-ы... — вторил ему, подпрыгивая на одной ноге, потный Уэф и пинал партнера второй ногой.

Перед ними сидели два оборванца.

Окончив номер, Уэф плюнул на Би, и артисты застыли в эффектных позах.

— Кю! — выругался один из оборванцев и, зачерпнув рукой песок, швырнул его в лицо Уэфа.

— Кю! — с отвращением подтвердил другой, и они скрылись за останками пепелаца.

Би вышел из клетки, взялся за прутья с одной стороны, Уэф — с другой, они подняли её и понесли.

— Привет, — из дыры в ржавой ракете вышли Машков и Гедеван. — Давно не виделись.

Инопланетяне вздрогнули, спустили клетку.

— Ну, что мы про вас думаем? Проникайте в сопоставление, родные, — ласково улыбнулся Машков.

— У-у-у! — завопил Уэф. Он упал на песок и стал в истерике лупить по нему кулаками. Би встал на колени и зарыдал в голос.

— Братцы! Ну что мы вам такого сделали? За что вы нас преследуете?! Мы несчастные, нищие, голодные актеры! Мы не можем вас бесплатно кормить! Небо видит, ты не должен нам руки-ноги выдирать! — Небо видит, что играть надо уметь, родной! А ну в клетку! Живо! — Машков взял Би за шиворот и втолкнул в клетку.

Влез туда сам. За ним втиснулся Гедеван.

— Крути свою баранку! — приказал Машков Би, вынимая скрипку из футляра.

— Владимир Николаевич, не надо, родной! Побьют! — всхлипнул Би.

— Молчать! Раз, два, три! Крути! — скомандовал Машков и запиликал на скрипке.

Би нехотя закрутил кофемолку. Гедеван лихо забарабанил.

— Мама, мама, что я буду делать!

Мама, мама, как я буду жить! — пропел уголком рта Машков, и частушка, усиленная мощными динамиками, понеслась над свалкой.

— Ияво, ияво! — вступил Гедеван, выводя гурийские трели.

И тут из пепелацев, из ракет, из космических кораблей вылезло около тридцати мужчин и женщин в отрепьях. Они окружили клетку и затряслись.

Уэф быстро поднялся, отряхнулся, запрыгал и вступил басом: — Ы-ы-ы...

— Заткнись! — рявкнул Машков, — У тебя слуха нет!

Уэф покорно замолчал.

Пропев ещё куплет, земляне сделали зрителям "комплимент".

— Ку! Ку! Ку! — одобрили плюкане и кинули на песок несколько монет.

— Владимир Николаевич, родной, они вас ещё просят сыграть!—
возбуждённо перевел Би.

— Эцилопп! — вдруг раздался истеричный крик.

Плюкане тотчас разбежались и исчезли. Как не было. Наступила тишина.

Из-за ржавой формы вылетел черный летательный аппарат с мигалками.
Завис на некоторое время в воздухе и полетел дальше.

— Почему они убежали? — спросил Гедеван. — Они же чатлане. Нет?

— Они здесь пластик нелегально жрут, — вздохнул Би.

Уэф подскочил к Машкову, дотронулся до его плеча, поднял руку, как это
делал видно кучерявый, и торжественно провозгласил:

— Дядя Вова! Я очень тебя полюбил! — объяснил Уэф.

— Я его ещё больше полюбил! — воскликнул Би.

— А где пепелац? — спросил Гедеван, покрутив головой.

— Там, — Би махнул рукой в сторону горизонта. — Луц кончился,
генацвале. Из-за тебя, зараза, — сердито сказал Уэф Машкову.

Ровная пустыня.

Солнце стояло в зените. По поверхности раскаленной, растрескавшейся
пустыни тарахтел никем не ведомый тракторёнок, (тот, который раньше
висел в рубке на потолке), тросом тянул за собой пепелац, сзади
межзвездный корабль толкал весь ансамбль.

— А у вас что на Земле в клетках никто не сидит? — тяжело дыша
спрашивал Би.

— Бывает, — отвечал Машков.

— На Земле в клетках сидят только звери, в зоопарках, — соврал Гедеван. — Вот. Значит звери у вас чатлане, — сказал Уэф.

— Звери сидят в клетках не потому, что они чатлане, а потому что они кусаются, — возразил Гедеван.

Машков опустил пепелац, сел, снял сапог.

— А лебедь? — спросил он.

Ракета остановилась.

— А лебедь когда в клетке сидит? Лебедь в парке куда хочет плавает, — возразил Гедеван.

— Вот. Значит лебедь у вас такой же пацак, как и вы, — сказал Би.

Тракторёнок ревел, надрывался, колеса пробуксовывали.

— Кончай филонить, дядя Вова! — строго сказал Уэф.

Машков высыпал из сапог песок, выкинул стельки, надел сапоги, уперся в корпус пепелаца и скомандовал:

— Раз! Два! Полетели, пацаки!

Бурлаки напряглись, налегли и пепелац, скрипя и покачиваясь, сдвинулся с места и покатился.

Луцеколонка.

Посреди безжизненной пустыни стояла высокая будка с зеркальными стенами и краном. От крана к пепелацу тянулся тонкий гофрированный шланг.

Перед пепелацем в клетке стояли запылённые, покрасневшие, с облупившимися носами пацаки — Машков, Гедеван и Би. Рядом на динамике еле держался чатланин Уэф.

Машков облизал потрескавшиеся губы и отсчитал:

— Раз, два, три,

— Бум! Бум! Бум! — старательно запел Уэф и затрясся.

Би закрутил кофемолку. Гедеван забарабанил по футляру.

Машков запиликал, и квартет заголосил:

Мама, мама, что я буду делать?

Допев песню, артисты сделали "комплимент" и застыли.

— Не слышу оваций, — Машков вытер рукавом пот со лба.

— Она не может овацировать. Служащим это запрещено, — сказал Би, кивнув на будку. — Дядя Вова, играй про "Сулико".

— Когда про любовь — она больше скидку делает.

— Поехали, скрипач. Раз, два, три...

И ансамбль запел на грузинском:

— Я могилку милой искал,

Сердце мне томила тоска...

— Ы-ы-ы! — вдруг высоко взял драматический тенор. Дверцы будки раздвинулись, и из неё выскочили Кучерявый и Безволосый на четвереньках.

Дверцы сомкнулись.

Кучерявый остановился перед клеткой, дотронулся до плеча Безволосого, поднял руку, крикнул "Ку!" и заголосил: — Ы-ы-ы!

— Видео? — спросил Машков.

— Да, — вздохнул Би, — Выруби!

— Ты что, совсем?! — Уэф покрутил пальцем у виска. — За это пожизненный эцих с гвоздями дают!

Кучерявый достал из кармана пластиковый намордник, покрутил им, показывая, какой он мягкий, и натянул его на голову Безволосого.

— Ку! — в восторге завизжал Безволосый. Он лег и поставил себе на голову ногу Кучерявого и ворковал: — Ку, ку, ку...

— Ы-ы-ы! — взял Кучерявый на самой высокой ноте, и парочка растворилась. Как и не было.

— Что они сказали? — опросил Гедеван.

— Предвыборная речь балды Пж, — проворчал Уэф. Он плюнул на Би, слез с динамика, достал из правого кармана деньги, из левого — часы Машкова и поплелся к будке, остановился, улыбнулся и нежно сказал:

— Ку-у!

— Чатл! — раздался металлический голос, из будки выскочил рычаг с керамическим ящичком. Уэф с подозрением посмотрел на будку, схватил ящичек двумя руками и заглянул одним глазом в отверстия. После чего плюнул на ящичек и отпустил. Щелчок. И ящичек скрылся в гнезде.

Уэф обессиленный опустился на бетонную площадку рядом с будкой и сокрушенно прохрипел:

— Эти плюкане женщину вынули — автомат засунули.

Ну давай возьмем на то, что есть. Хоть полдороги пролетим, — крикнул Машков, выходя из клетки.

— Луц по кусочкам не продают, пацак. Луц десять чатлов заряд, а у нас — семь, — не поднимая головы, сказал Уэф.

— А далеко до центра? — спросил Гедеван, держась за клетку.

— Двести километров, — поднялся Уэф и заковылял заводить трактор.

— Дядя Вова, — зыркнул глазами на Уэфа, доверительно зашептал Би. — У Уэфа ещё чатлы есть.

— Не может быть.

— Он умный. Он знает, всегда тёмный день может наступить, — прошептал Би, показывая на свою правую калошу, а потом на ноги.

— Куда уж темнее. Эй, чатлан! — позвал Машков.

— Чего? — оглянулся Уэф.

— Поди-ка сюда, — поманил пальчиком Машков.

— Зачем?

— Фокус покажу.

Уэф нехотя подошёл.

— Подними ножку.

Уэф посмотрел на Би.

— Негода! Негода! Надо летать! — он повернулся и хотел было пойти, но Машков обхватил его сзади и поднял.

— Скрипач, сними с этого гадёныша правую галошу!

Гедеван поймал правую ногу инопланетянина и сдернул с неё тапочку. Из тапочки на песок посыпались монеты.

Машков отпустил Уэфа, передал скрипку Би, нагнулся и стал собирать чатлы.

Уэф подбоченился и пронзил глазами Би.

— Кю, — с ненавистью процедил он.

— Повтори! — оказал Би, побледнев от бешенства.

— Кю!

Би отошёл на шаг и с криком:

— Сам ты кю! — размахнулся, и скрипка с треском разбилась об лысину чатланина.

— Вах! — в ужасе закричал Гедеван. — Скрипка!

— Кю-юю-ю! — завизжал Уэф и повис на бороде Би.

— Дядя Вова, как я теперь профессору...

— Тихо! Стоять! — командорским голосом закричал Машков.

Уэф, не выпуская бороды, обернулся к Машкову.

— Делаем так, — сказал Машков. — Поднимаем вот это! — он поднял гриф с остатком деки, — и вынимаем вот это!

Машков осторожно вытянул из-под грифа спичку. Белую! С головкой!

— Молоток твой алкаш профессор! — сказал он Гедевану. — Прилетим, я ремонт ему бесплатно сделаю.

— Вах! — закричал Уэф, отпустив обидчика и подбегая к Машкову. — Это мне быстро давать! Это моя голова нашла.

— Спокойно, — Машков отстранил Уэфа.

— Небо! Небо хотело, чтобы я скрипку в руки взял! — рухнув на колени, с пафосом воскликнул Би. — Дай мне, дядя Вова!

— Небо хочет, чтобы этот кц я хранил, родной, — он протянул руки Машкову.

— Что значит, небо хочет?! — закричал Гедеван. — Мало кто чего хочет! Скрипка наша! Ясно?!

— Нет! Извиняюсь! Скрипка не ваша! Скрипка профессора Рогозина! — запротестовал Би.

— Спокойно! Делаем так! — командирским голосом рявкнул Машков. Он снял с головы пилотку, спрятал в складку спичку и, посмотрел на часы. — Так... Пятница... К понедельнику может ещё и успею на планёрку. А ну гуси-лебеди, заправляйтесь! Быстро!

... И снова пепелац летел над песками.

Рубка.

Машков и Гедеван снова сидели на динамиках. А Би и Уэф — в своих креслах. Машков клеивал скрипку космическим клеем. Гедеван, смотрясь в зеркало, повязывал галстук. Би протирал лицо песком. Уэф — он был в кальсонах с биркой и майке Гедевана — водил по щекам медной пластинкой. Брился.

Гедеван говорил:

— Италию я сразу найду — это сапог. Летим направо. Там Черное море. Внизу Турция — такая коричневая... Чуть выше — Батуми. От Батуми прямо вверх...

— Дай-ка! — Уэф вырвал зеркальце из руки географа.

— Вах! Что за человек! Что у вас языка нет? Скажите нормально — я вам сам дам! — возмутился Гедеван.

Уэф, напевая "Кин-дза-дза, куда-дза-дза, летим-дза-дза, ы-ы-ы" , достал из "бардачка" два керамических шара, соединённых ремешком. Вытер шары о майку, закинул ремень за шею, подвигал шары так, что они симметрично висели у него на груди, и снова посмотрелся в зеркало.

— Это что? — заинтересовался Гедеван.

— Основа жизни... Ы-ы-ы...

— В каком смысле?

— Во всех.

— Продайте.

Уэф поднял руку, пощекотал себя под мышкой и противно захихикал: — Хэ-хэ-хэ!

— Хорошо. Бери одну штуку,— даю зеркало и вот этот галстук.

— Хэ-хэ-хэ. Би, объясни этому пацачонку.

— Скрипач, родной, основа жизни поштучно не продается. Основа жизни — основа только в паре. А когда пары нет, то и жизни нет. Такова жизнь, родной, — печально сказал Би и глаза его увлажнились.

— Порядок! — Машков поднял скрипку, — как новенькая.

— А вон лишний кусочек остался, — позлорадствовал Уэф.

Гедеван тяжело вздохнул.

Машков посмотрел на него, тоже вздохнул и стал разбирать скрипку.

Склеенные куски легко отделялись.

— Вы извините меня, конечно, инопланетяне, но ваш клей — "кю" и больше ничего, — сказал Машков.

— Дядя Вова, даже фитюлька знает, что прежде чем клей клеить, надо обработать поверхность слюной, — сказал Би и поднял шторку переднего иллюминатора.

— Вах! — воскликнул Гедеван. — Это что?

— Центр, родной.

— А шар это дирижабль?

— Шар — это последний выдох Пж, балда! — встрял в разговор Уэф.

Корабль.

Над песком, натягивая мощные, уходящие в песок, канаты, покачивало гигантский полукилометровый шар.

Под ним, утонув в песке до ватерлинии, стояли развалины огромного корабля. С высокими башнями, пушками, ракетами... Над кораблём патрулировали эцилоппские пепелацы и пепелацики. По песку трактора тянули вагончики с песком в корабль и из корабля. Они казались совсем маленькими на фоне ржавой громады.

Кладбище у корабля.

Би запер дверь пепелаца и компания гуськом пошла между вялыми, пыльными шариками, которые колыхались, натягивая уходящие в песок лески.

— Дядя Вова! Помни! Про спичку не думай! — нервно шепнул Би. — Тут таможня поймет и сразу...

— Трансклюкируют на хрен, — закончил фразу Машков.

— Ты про Люсеньку думай, про Брюшкину думай, — подмигнул Машкову Уэф и пощелкал висящими у него на груди шарами.

— Да что вы прицепились с этой Брюшкиной? Нету её. Замуж вышла, — отмахнулся Машков.

— А мне про кого думать? — улыбнулся Гедеван.

— А ты вообще не нужен, скрипач! Ты в пепелаце сиди! — сказал Уэф.

— Господин Чатлан! — выкрикнул, сверкая глазами, Гедеван.

— Зарубите себе на носу! Я вам не скрипач! И не балда! Меня зовут Гедеван Алексидзе, ясно?!

— Ясно, генацвале. Ясно... Ты тоже думай. Ты думай, что все теперь думают, что ты скрипку украл, — посоветовал Би.

— А иди ты! — тихонько выругался Гедеван по-грузински.

Шарики кончились. Стал хорошо виден корабль и шар над ним.

— Братцы, что мы так далеко сели? Отсюда пилить и пилить, — проворчал Машков.

— Ближе — платить надо, — вздохнул Би и вдруг вскричал в ужасе: — Скрипач! Ты что делаешь, родной?!

— Хотел шарик оторвать, — пожал плечами Гедеван.

— Гедеван Алексидзе, ты осквернитель праха! У тебя ничего святого нет, родной!

— Я извиняюсь, но насколько я понимаю, последний выдох — это фигуральное понятие.

— Не фигуральное, а последнее, балда! — закричал Уэф. — Я говорил, скрипач не нужен? Говорил?

— Слушайте, не надо мозги пудрить. Надоело! Может вы сейчас нам скажите, что вот этот идиотский дирижабль ваш Пэжэ своим предсмертным выдохом надул? Абсурд!

— Тсс, — Би приложил палец к губам. — Пж жив, родной, — шепотом сообщил он.

— Пж я очень люблю! — громко провозгласил Уэф.

— Я его ещё больше люблю! — крикнул Би.

На краю кладбища один над другим стояли два прозрачных резервуара, наполовину заполненных песком. Из верхнего песок струился в нижний, по принципу песочных часов. Там трудились два мужика. Один стоял на стремянке, другой — внизу. Нижний ведром загребал песок из нижнего резервуара и передавал ведро верхнему. Верхней высыпал песок в свой резервуар и возвращал ведро нижнему. И т.д.

— Что они делают? — удивился Гедеван.

— Вкалывают, — сказал Уэф.

Возле ржавой карусели старик-пацак в рваном скафандре мёл метлой песок. Уэф подошёл к нему, шепнул что-то и дал монетку.

Старик-пацак опасливо огляделся, разгреб песок и поднял рукояткой метлы крышку люка.

— Ку! — шепнул он и показал, чтобы быстро влезали.

Железный коридор.

Они шли по рельсам, уложенным на железном гофрированном полу железного коридора. Машков и Би несли рельсу. Гедеван и Уэф — большой моток проволоки.

— А раньше здесь что было? — спрашивал Гедеван.

— Луцепровод, — отвечал Би.

— Раньше здесь все было. — Вздохнул Уэф.

— Спокойно! — шепнул Би. — Дядя Вова! Не думай! Не думай!

Из-за поворота, навстречу им шёл высокий, тощий эцилопп с несчастными глазами.

— Ку! — все синхронно бросили ношу, пошлёпали себя по щекам, присели и выпрямились. Тощий эцилопп внимательно взгляделся в лоб каждого. Взгляд его остановился на пилотке Машкова. Уэф закатил глаза и схватился за сердце.

— Ку, — сказал тощий эцилопп, показывая рукой, что можно идти.

Они подняли рельсу и проволоку и быстро зашагали.

— Стойте! — вдруг окликнул эцилопп, — Ты что подумал, а? Уэф снова закатил глаза.

— Я? — растерялся Машков. — Я про квартальный план думал. Заднее слово!

— Не ты, а этот! — тощий эцилопп подошёл к Гедевану.

— Я? Я думал, что некоторые чужую скрипку ломают, а потом ещё и издеваются, — пробурчал Гедеван.

— Нет. Ты подумал, что вы без билета в центр хотите протыриться. И для этого маскарад с железками устроили. Так?

— Эх! — Уэф заскрипел зубами и выпустил рельсу.

— Три чатла, и я ничего не видел, — предложил эцилопп.

— Ку, — Уэф показал два пальца.

— Я не один, — вздохнул эцилопп.

Уэф достал свой мешочек и расплатился.

Пошли.

— Скрипач, с тебя четыре чатла, гадёныш, — прошипел Уэф.

— Хэ-хэ-хэ, — Гедеван пощекотал себя под мышкой. — Три разделите на четыре — сколько будет? А? Не слышу! — Он приложил руку к уху.

— Пацаки! — снова позвал эцилопп. — Выкупаться хотите?

— Нет! — категорически отказался Уэф.

— А сколько стоит? — спросил Гедеван.

— По чатлу с носа.

— Выкупаемся, дядя Вова, а? А то что, такие полетим. Неудобно...

— Давай.

— Платите только за себя, — сказал Би. — Мы бедные. Эта роскошь не для нас.

Бассейн.

Тощий эцилопп открыл железную дверь, и Машков с Гедеваном вошли в зал, облицованный белоснежным мрамором, посередине которого был бассейн с прозрачной голубой водой.

— Давай по очереди, — сказал Машков Гедевану и незаметным для эцилоппа движением показал на свою пилотку.

Гедеван быстро скинул брюки, ботинки, рубашку и майку, подошёл к бассейну и прыгнул в воду, шлепнулся на дно.

Вода не шелохнулась.

Машков посмотрел на эцилоппа. Тот зевал.

Гедеван выпрямился под водой и крикнул:

— Эй! А где вода?

Пузырьков изо рта не было.

— Ты что, за чатл настоящую воду захотел? Ну, ты нахал, пацак, — покачал головой эцилопп и переключил рубильник.

Цементный зал.

Мрамор и вода исчезли. И они оказались в грязном цементном помещении.

А Гедеван стоял на дне ржавого прямоугольного бака.

Железный коридор.

Они снова шли по железному коридору. Гедеван заметно прихрамывал.

Их обогнала платформа, груженная саркофагами на колесиках.

— Ку! — крикнул им сидящий на саркофагах эпилопп.

И платформа скрылась.

— А этому гаденышу что надо? — сердито спросил Гедеван.

Би посмотрел на него потом сказал, мягко улыбаясь:

— Друзья. Дядя Вова, Гедеван Алексидзе, родные. Он сказал, что здесь где-то Кырр с трэнклюдатором появился. Поэтому Пж...

— В штаны наложил, — шепнул Уэф.

— Тсс... Мой любимый Пж велел всем пацакам в центре не только по праздникам, но и в обычные дни ходить на четвереньках. Это справедливо, родные...

— Головой вперед? Или задом? — мрачно спросил Машков.

— Головой! Очень удобно. Смотри! — Уэф встал на четвереньки и пополз по рельсам, демонстрируя удобство движения на четырех точках. — Это на Зетте надо задом вперед. Я там как-то сорок кило...

— Дядя Уэф! — истошно закричал Гедеван.

Уэф оглянулся, отскочил.

Мимо него в сантиметре пронеслась платформа.

На платформе стояла Цан в полосатой майке.

— Привет, ребята! — Цан помахала рукой и платформа скрылась.

Корабль. Торговый зал.

Сверху огромный, заполненный чатланами и пацаками, зал напоминал муравейник. Пацаки ползали на четвереньках и хлопали себя по щёкам перед чатланами, чатлане приседали перед эцилоппами. Эцилоппы смотрели в визаторы и сверкали мигалками на колпаках. И все были в хаотичном движении. Серебристо звенели колокольчики и слышалось бесконечное кукуканье.

— Что они делают? — спрашивал Гедеван.

— Продают, — отвечал Би.

Он, Машков и Гедеван шли на четвереньках по широким колосникам, вслед за шагающим на двух ногах Уэфом.

Вдоль стен колосников стояли прямо чатлане и на четвереньках — пацаки. Тоже кукукали.

— А что они продают? — допытывался Гедеван.

— Ку они продают, — прорычал Машков.

Навстречу проехал негр на роликах, прошел карлик в голубых штанах.

Уэф сказал "Ку!" и присел перед ним.

— А как же нам присесть? — поинтересовался Машков.

— На четвереньках можно не присесть, родной, — оказал Би.

— Непродуманная система, — проворчал Машков,

— Вова, лучше помолчи, родной, — попросил Би.

— Ждите меня здесь, — сказал Уэф, когда они поравнялись с лестницей с перекладинами. — Я буду узнавать, — И полез вверх.

Около лестницы сидела маленькая девочка. В руках она держала цементный брусок, на котором были нарисованы носик и ротик. К носику был прикреплен колокольчик, такой же, как у её маленькой мамы.

Гедеван покопался в портфеле, извлек керамический квадратик и так, чтобы не заметил Би, не глядя на девочку, протянул ей монету.

Рука его наткнулась на руку Машкова. Тот тоже держал квадрат.

— Здорово, Пацак, — впервые на Плюке улыбнулся Машков.

Девочка вскочила и убежала.

— Космическая пыль нужна? — послышался сзади шепот.

Машков оглянулся.

За ним на четвереньках стоял горбоносый мужчина с колокольчиком в носу.

— Да вроде бы не очень, — сказал Машков.

— А чем я мочь помочь? — настаивал горбоносый.

— Иди гуляй, родной, — нелюбезно прогнал горбоносого Би.

Гедеван сообразил:

— Машинки перемещения в пространстве у вас случайно нет?

— Как она выглядит?

— Она? Она — вот такая вот, — Гедеван показал руками размер.

— С клавишами.

— Ты никуда не уходить, я сейчас её приносить, — шепнул горбоносый и уполз за железную дверь. Завыла сирена. Все, кто был в зале, и пацаки, и чатлане и эцилоппы легли на пол, оставив в центре зала широкий проход.

Раскрылись толстые массивные ворота, по проходу на воздушной подушке пролетел эцилопп с двумя мигалками и скрылся в черном проёме стены.

Снова завыла сирена. Потом грянула музыка, и в зал, высоко задирая ноги, строем вошли девушки в бриджах и полосатых майках.

Девушки крутили "кофемолки" и пели: — Ы-ы-ы...

Когда они дошли до середины прохода, звонкий голос вдруг взял:

Мама, мама, что я буду делать?

Мама, мама, как я буду жить?

Ы-ы-ы...

Это пела шагающая во втором ряду Цан.

— Цан, — тихо позвал Гедеван. — Я здесь.

— Тсс, — шикнул Би.

Цан подмигнула Гедевану.

У меня нет теплого пальтишки!

У меня нет теплого белья! — пропели "гёрлс" и застыли по стойке "смирно".

— Ы-ы-ы! — взял высокий тенор.

Автокар ввёз в зал никелированную повозку. На повозке стояли кучерявый Пж и Безволосый — на четвереньках.

За повозкой, отчеканивая шаг, шла шеренга эцилоппов.

— Это что, все видео? — удивился Гедеван.

— Нет! Тсс... Трансклюкируют! — прошептал Би.

Повозка остановилась в центре строя девушек.

— Ку! — провозгласил Пж. Дотронулся до плеча Безволосого и поднял руку.

— Ку, Пж! Ку, Пж! — восторженно закричала толпа.

— Ы-ы-ы! — пропел Пж, и повозка, сопровождаемая девушками и эцилоппами, выехала из зала.

Все встали, зашевелились, закукукали.

— Вот, — снова появился горбоносый, — я тебе свою отдавать, — и он, приоткрыв полу куртки, показал прибор с клавишами. — Два чатлов!

— Можно посмотреть? — заволновался Гедеван.

— Можно... Только чтобы никто не видеть.

Гедеван взял прибор, спрятал под курточку. Поглядел, показал Машкову.

— А почему клавиатура одноцветная? — спросил Гедеван с подозрением.

— Последняя модель, — объяснил торговец.

Машков вопросительно посмотрел на Би.

Тот стоял на четырех точках с непроницаемым видом.

— А как им пользоваться? — спросил Гедеван.

— Ты сначала чатлы давать, я тогда тебе устную инструкцию приносить.

— Я знаю, как ею пользоваться, Гедеван Алексидзе, — сказал Би. Он отобрал прибор у Гедевана, отодвинул крышку, перевернул, и из прибора посыпался песок. Би подкинул пустую коробку и ловко, по-футбольному, боднул её головой.

— Вот так ей пользоваться, Гедеван Алексидзе.

— Ку! — позвал из люка в потолке Уэф.

Корабль. Планетарий.

... В круглой, отделанной медными листами с дырочками разного калибра, комнате, вдоль стен которой тянулись замысловатых форм датчики, в центре, на никелированной тумбе стояло керамическое полушарие с антеннами.

Молодая чатланка держала голову пятилетней девочки в полусфере. Датчики в компьютерах мигали.

Симпатичный старичок нажал кнопку компьютера. Из прорези вылезла металлическая пластиночка с дырочками.

Мама дала старичку две монеты. Старичок погладил девочку по голове, и девочка с мамой прошли мимо стоящих у дверей Уэфа, Машкова, Гедевана и Би.

— Вова, ты голову сюда засовывай и про свою галактику думай, — подтолкнул Уэф — Машкова к тумбе с полушарием.

— Скрипач, давай ты. Я уже забыл, когда астрономию проходил.

— Нет! Скрипач не нужен. Давай ты! — категорически возразил Уэф.

— Эх, — махнул рукой Машков. Он подошёл к тумбе, присел на корточки и спросил: — Для детей, говоришь?

— И для подростков, — объяснил старичок.

— Про что думать? — спросил Машков.

— Не волнуйтесь. Это просто, Я все скажу, — старичок подошёл к нему, хотел снять с него пилотку, но Машков отстранился.

— Спасибо. Я сам.

Он снял пилотку, присел и вставил голову в полусферу.

Старичок подошёл к пульту и покрутил ручку:

— Думайте о диаметре орбиты вашей планеты.

— Не знаю, скрипач, случайно ты не знаешь? — прогудело в полушарии.

— Хорошо, перестаньте думать, — старичок перешёл к другому пулту. — Удельный вес ядра вашей планеты? Думайте.

— Не знаю, — вынул из полусферы голову Машков.

— Не волнуйтесь. Хорошо, — сказал старик и предложил Машкову: — Подумайте названия планет, какие вы знаете в вашей галактике и представьте их зрительно.

— Сейчас, — Машков вытер пот со лба и всунул голову с полусферу.

Старичок начал на пульте крутить ручку. Из пульта пошёл дым.

— Перестаньте думать! — закричал старичок, оглядел пульт и сказал: — Здесь был кристалл представления! Где кристалл представления?!

Машков тяжело взглянул на Гедевана.

— Я думал просто так лежит камушек, — Гедеван достал из кармана кристалл, положил на панель пульта.

Старичок потер кристалл бархоткой, вернул его на свое место и раздраженно сказал Машкову:

— За два чатла вы мне весь планетарий измучили.

Машков тяжело вздохнул и снова вставил голову в полусферу.

Лампочки на компьютере весело замигали.

Старичок ткнул кнопку:

— Все! Хватит! — он достал из прорези медную пластинку с дырочками и передал Машкову. — Вот ваша планета. Ноль тридцать в тентуре, семь по спирали. Если у вас имеются формы связи, можно поговорить. Это будет стоить ещё чатл.

— Что? Простите, не понял.

— Думай номер своего телефона, балда. И скажи Люське, чтобы спички готовила, — сказал Уэф. — Включай, — кивнул он старичку.

Снова замигали лампочки.

Раздался телефонный звонок, и голос жены сказал:

— Алло.

Машков растерянно огляделся по сторонам.

— Говори, говори, пацак. Время — чатлы, — поторопил Уэф.

Жена: — Алло! Я слушаю!

Машков: — Люсь, это я... Здравствуй... Ты меня слышишь?

Жена: — Вовка! Ты где! Что случилось?

Машков: — Люсенька, как ты?.. Как Кирилл?

Уэф: — Ты про спички говори, пацак? Про спички!

Жена: — Какие спички? Владимир, ты где? С кем?

Машков: — Ну... В общем, я тут, в одном месте... Я потом расскажу.

Жена: — Где ты, я спрашивают!

Уэф: — Ты, пацачка, кончай ваньку валять! Ты беги два ящика спичек покупай! А то мы к Брюшкиной полетим! Ясно?

Пауза.

Жена: — Что?

Би: — Такова жизнь, родная. Я сам скорблю.

Машков: — Люся! Ты их не слушай!.. А вы заткнитесь, ясно?! Люсь, ты позвони, пожалуйста, Монохину и скажи, что ключ от сантехники у меня под сейфом лежит... Люсенька, ты слышишь?

Пауза.

Гедеван: — Можно я? Дядя Вова, можно я?!

Уэф: — Нельзя!

Гедеван: — Я не вас спрашиваю! Алло! Тетя Люся, здравствуйте! Это Гедеван говорит. Тетя Люся, позвоните, пожалуйста, и в Батуми 23-23 и скажите Алику, что Гедеван в космосе на планете Плюк! И скажите, что все хорошо, что свою тентуру уже узнали и скоро прилетим на Землю! Алло! 23-23, Батуми! Запомнили?! Алло!

Жена: — Запомнила... И ты передай, пожалуйста, дяде Вове, чтобы домой больше не являлся.

Щелчок, короткие гудки.

Гедеван: — Она, кажется, не поверила. Соедините, пожалуйста, ещё раз, я все объясню.

Старичок: Нельзя. Планетарий перегрелся.

Они вышли в узкий железный коридор.

Би забрал у Машкова пластинку, достал из кармана другую медную пластинку и начал сверять дырочки. Печально покачал головой и передал обе пластинки Уэфу.

Уэф посмотрел на пластинки и тихо присвистнул.

— Что? — глухо спросил Машков. — Что-нибудь непонятно?

— Ку? — спросил Уэф Би, подняв брови.

— Ку, — подумав, кивнул ему Би и сказал Машкову: — Все понятно. Очень далеко земля, не пять, а семь минут надо разогреться. Сейчас быстро в пепелац, родной. Цаппу для гравицаппы будем готовить!

Кладбище у корабля.

На краю кладбища возле карусели на перевернутой шлюпке дремал толстый эцилопп.

— Вовка, — из дверей ракеты высунулся Уэф. — На.

Он передал Машкову разводной ключ.

— Мы сейчас заведем, а ты цапу крути.

— Какую цапу? — Увидишь, большая гайка. И ты, Гедеван Алексидзе, кончай филонить! Иди Вовке помогать! — прикрикнул Уэф на Гедевана, который впитывал в себя вид корабля.

Машков и Гедеван полезли под пепелац. Мотор заработал.

Машков влез и крикнул:

— Слушай, эй! Иди покажи, где цаппа эта... Нет там никакой гайки.

В дверях снова показался Уэф.

— Вовка! — воскликнул он, показав рукой в сторону корабля.

— Смотри, Люська с Брюшкиной переместились!

Машков и Гедеван оглянулись!

Уэф быстро содрал пилотку с головы Машкова, захлопнул дверь, и пепелац с места взвился в воздух.

— Прощайте, родные! Такова жизнь! — донесся голос Би.

— Дядя Вова! Спичка там в шапке! — закричал Гедеван.

— Так! Ясно! Спичка у них! Тентуру Земли они узнали, гравицаппу в другом месте купят...

— Ха-ха-ха! — раздался радостный смех. Это ржал проснувшийся эцилопп.

Гедеван побежал к нему, быстро похлопал себя по щекам, присел, выпрямился и закричал:

— Товарищ эцилопп! Они у нас вещи украли! Где ваш пепелац? Давайте догоним их!

— Сорок чатлов!

— Нету. У нас только три.

— Там все. В портфеле. Вай! — Гедеван схватился за голову. — И скрипка там!

— Ха-ха-ха, — снова закатился в смехе эцилопп.

— Ну, что ты ржешь, как осел?! — заорал Машков. — У них Кц контрабандное! Ясно?!

— А, — махнул эцилопп. — Какое время Кц, когда тут Кырр и господина Пж трэнклюкировать может. Я очень люблю Пж! — крикнул эцилопп. — Очень!

— Да? А вот они его ругали. Говорили, что он гад ползучий! — донёс Машков.

— Что?! — засверкал глазами эцилопп, — Когда?!

— Всегда! Вот Скрипач свидетель. Ну, что сидишь, как истукан?

— Я вот доложу Пж, что ты знал и бездействовал!

— Я не бездействовал! — в панике закричал эцилопп. И начал тыкать в чёрную точку в стерженьке. — Я сразу цаппу нажимал! Скрипач свидетель!

Эцилопп навел стерженёк на далекую ракету. Та зависла. Подёргалась и полетела обратно.

Корабль. Суд.

...Суд происходил в зале, где когда-то в былые времена артисты со сцены развлекали пассажиров первого класса. Сейчас занавеси истлели, остатки позолоты покрылись пылью, каркасы стульев были свалены в углу партера.

Уэф и Би стояли на коленях на сцене. За ними на корточках сидели шесть эцилоппов со стержнями.

В партере, в роскошном резном кресле белого мрамора сидел Пж. Сейчас он был в сиреневом халате, украшенном малиновыми резиновыми кружевами. Перед ним на бархатной подушечке лежала пилотка Машкова, на ней — спичка.

За ними сидели на корточках десятка два эцилоппов.

Машков и Гедеван стояли в ложе первого яруса. Их охранял толстый эцилопп.

— Ку! Пж! — умолял со слезами на глазах Уэф Кучерявого, — Ку, дядя Вова! — он показывал скованными кандалами руками на Машкова.

— Ку, — произнес тихо Пж.

Все эцилоппы похлопали себя по щекам.

— Что он сказал? — спросил Машков толстого эцилоппа.

— Чатл, — шепнул эцилопп, протянув руку.

Машков сунул ему монету.

— Пацака — тренкюкировать, чатланину — эцих с гвоздями, — перевел эцилопп.

— Дядя Вова! Друг! — истошно закричал со сцены Уэф. — Скажи господину Пж, что ты пошутил! Скажи всем, что это Би видео выключал, а я не давал и говорил, что очень, очень люблю Пж!

— Владимир Николаевич! Не смей свистеть, родной! — заливаясь слезами, воскликнул Би. Ты все равно на Землю никогда не попадешь, а мне Хануд надо покупать! Скажи правду! Как Уэф выключал, а я ему не давал!

— Господин Пж! — крикнул Машков. — Никто вас не выключал! Я это сгоряча перепутал! Готов ответить... Господин Пж, такое предложение! Отвезите нас на Землю! А мы...

— Цыц! — Пж погрозил Машкову пальцем.

— Цыц! — воскликнули эцилоппы и нацелили стерженьки на ложу. Толстый эцилопп бросился на пол.

Пж встал, подошёл к ложе, брезгливо дотронулся до Машкова и до Гедевана, поднял руку и провозгласил:

— Я чатланин! И моя мать, и мать моей матери, и мать матери моей матери были чатланами! Но я вас, грязных пацаков, без перчатки трогаю и руки не вытираю! И я могу с вами рядом кушать и у меня еда обратно не пойдет! — И запел: — Ы-ы-ы!

— Вах! — возмутился Гедеван. — Мы сами с вами кушать не будем! В зеркало посмотритесь — живот как гнилой бадриджан висит!

Пж перестал петь.

— Бадриджан я нэ понимаю, — поднял он брови.

— Бадриджан, это по-грузински значит очень красивый, — быстро перевел Машков.

Пж посмотрел в потолок, подумал, сказал "Ку" и пошёл.

Партерные эцилоппы включили мигалки последовали за ним.

Бассейн.

Стена раздвинулась. За ней оказался зал с белоснежными мраморными стенами и голубым бассейном.

Пж скинул халат, прыгнул в воду, поплыл и запел:

— Ы-ы-ы...

Стена сомкнулась.

Суд.

На сцену вышел эцилопп о двумя мигалками и зачитал приговор:

— Ку! — И сам же перевел: — Пацаку хануидянину Би пожизненный эцих без гвоздей до выплаты штрафа. Чатланину хануидянину Уэфу пожизненный эцих без гвоздей до выплаты штрафа.

Штраф пятьсот чатлов за обоих! А вы идите и расскажите всем, какой добрый Пж! — сказал он землянам и ушёл.

Автокар выкатил на сцену саркофаг. Эцилоппы откинули крышку.

— Вовка, родной! — кричал Би, которого эцилоппы схватили за руки и за ноги и тащили к саркофагу. — Небо видит — не хотели мы у вас спичку красть! Мы хотели пошутить. Чтобы тебе, родной, радость доставить!

Эцилоппы уложили Би в саркофаг и схватили Уэфа.

— Скрипач! Гедеван Алексидзе! Ты бандуру крути. А Вовка пусть скрипку клеит и "Мама, мама" поет, — кричал Уэф.

Эцилоппы уложили Уэфа поверх Би и стали закрывать крышку.

Крышка не закрывалась. Тогда эцилоппы вшестером сели и попрыгали, крышка защелкнулась.

— До свидания, Гедеван Алексидзе, любимый! До свидания, дядя Вова, любимый! Мы о вас будем очень и очень скучать! — глухо донесся из саркофага голос Уэфа, и рваный занавес опустился.

— До чего дожили, — пробурчал "наш" эпилопп, поднимаясь с пола. — Чатланина и грязного пацака в один эцих положить...

— Эх, Пж, Пж. — скорбно покачал он головой.

Кладбище у корабля. Макет.

Ночь. Освещенный прожекторами в черном небе над кораблем покачивался последний вздох Пж. Вокруг, мигая, патрулировали пепелацы.

Машков и Гедеван сидели около карусели у костра. Машков клеивал скрипку и изредка помешивал ложкой кашу в чугушке.

Гедеван писал что-то в свою тетрадь.

Неподалеку, у ржавой карусели, сидел на перевернутой шлюпке старик-пацак в скафандре. Он, зажав зубами тонкую проволоку, одной рукой натягивал её, другой дергал.

— Пью, пью-ю-ю-ю... — жалобно пела проволока.

— Теперь всё, — сказал Машков, и показал Гедевану скрипку.

— Опять кусок остался, — проворчал Гедеван и взял с футляра обломок скрипки.

— А, черт... Откуда он взялся? — Машков стал крутить скрипку в поисках дырки.

— Все равно, — буркнул Гедеван и бросил обломок в костер.

Машков посмотрел на него, хотел что-то сказать, но промолчал. Только вздохнул и стал натягивать струны.

— У-у-у, — слышалось тихое гудение.

Они обернулись.

Из-за шариков на них глядело существо с хоботом.

— А это ещё что за явление? — удивился Машков.

Это тот, который вашу сумку приносил.

— А... наш человек значит? — усмехнулся Машков. — Заходи, гостем будешь, — позвал он Фитюлька.

— У-у-у, — жалобно погудел Фитюлька, подняв хоботок, показал Машкову его целлофановую сумку и прочертил в воздухе пальцем квадратик.

— Он чатл хочет, — перевел старик-пацак.

— У-у-у, — закивал Фитюлька.

Гедеван достал из портфеля монету и встал.

Фитюлька отбежал, остановился и уставился на Гедзвана.

— Боится, — сказал Машков.

Гедеван положил монету на песок и вернулся на место. Фитюлька осторожно подошёл, дотронулся до чатла и с опаской посмотрел на Гедевана.

— Бери, бери, — крикнул ему Машков. — Не укусим.

Фитюлька взял монету, положил на песок сумку Машкова и пошёл, ступая большими калошами, к карусели. Он отдал монету старику-пацаку и сел на ржавую ракету. Старик-пацак потянул рычаг, Фитюлька оттолкнулся ногой от песка, и карусель со скрипом закрутилась.

Фитюлька вцепился в штурвал ракеты, быстро работая ногами, все увеличивал скорость.

— Пью, пью, — снова заиграл на своей проволоке старик-пацак .

Машков натянул струны, проверил строй пальцем.

Придется видно профессору играть на ней, как на мандолине, — сказал он.

— Сейчас, наверное, Рогозин уже позвонил — где скрипка?

— А Алик с ума сходит, теперь полетит в Ярославль... Пойдет в институт, узнает: у меня по химии незачет, по физике незачет... А я ему... А у него врожденный порок сердца!.. — Гедеван затих.

— Гляди! ещё один приятель!

Метрах в двадцати в луче прожектора с трубой наперевес, крадучись шёл Кырр-Пирожок, с катера. Прошёл и растворился в темноте.

— Мерзавец! Расист! — выругался Гедеван.

— Все они тут одинаковые...

Раздался взрыв, и огромный шар над кораблем ярко вспыхнул.

Тревожно завывли сирены. Как стая галок взвились в воздух пепелацы с палубы корабля.

Машков и Гедеван вскочили.

— Друзья, — слышался знакомый голос.

Земляне вздрогнули и оглянулись.

Около них стоял человек в белом плаще, с венком из ромашек. В одной руке у него была машина перемещения в пространстве, в другой носок Гедевана. Друзья! Разве можно так нажимать! Я вас еле нашёл. Хорошо, что память есть, — человек постучал по машинке. — На!

— Спасибо! — человек кинул носок Гедевану. — Если хотите, я могу вас на Землю перемещать. Только быстро! Номер вашей тентуры я в планетарии узнал, — он показал на корабль.

— Скрипач, это тот? — растерянно спросил Машков.

— Он! Знаете, что я вам скажу! — заорал Гедеван. на человека. — Вы знаете, кто?

— Быстро! Быстро говорите! Каждая секунда здесь — шесть месяцев дома. Мой маленький сын вот такую бороду уже имеет! Фитюлька подбежал к человеку и стал внимательно разглядывать клавиши на машинке.

— Ладно, давай нас быстро на Землю! Мы берём спички, возвращаемся сюда. Продаем! Выкупаем этих! Вы нас обратно на Землю, а сами домой! — решил Машков.

— Не могу, только три заряда есть! Говори! Да или нет?

— погоди. Сейчас разберемся! Пойми, они из-за меня сидят!

— Я на них и донес!

— Считаю до трех! — крикнул человечек. — Раз!

Фитюлька дернул человечка за рукав, показал пальцем на красную кнопку в машинке и прогудел:

— У-у-у...

— Отстань! Два!

— Подожди! Тогда такое предложение... Ты берешь скрипача...

— Ну нет! — запротестовал Гедеван.

— Два с половиной!

— У-у-у! — требовательно загудел Фитюлька, снова показывая на красную кнопку.

— У-у-у! — сердито ответил ему человечек.

— Что он хочет? — спросил Гедеван.

— Он хочет, чтобы я переместил вас обратно во времени с исключением фактора нашей встречи. Это категорически запрещено.

Раздался ещё взрыв — это лопнул шар. Огненные лохмотья ветер понес по песку.

— Три! — крикнул человечек и исчез. Исчез и Фитюлька.

— Балда! — выругался Гедеван.

Машков на всякий случай заглянул за шарики.

Гедеван разорвал свою тетрадь пополам и бросил в костер.

— Кому нужно эти гадости знать?! Тьфу! — он плюнул в костер.

Полез в портфель, вытащил туго набитый целлофановый мешок и в истерике высыпал в костёр кучу железок: — Кому нужны эти чатлы-матлы, цаки-шмаки, визаторы-мизаторы?! Будь они прокляты!

— Стоп! Спокойно, скрипач! — Машков осторожно начал выгребать из костра железки.

— Что спокойно! Хватит мне ваших "спокойно"! Надоело! Тоже мне командир нашёлся! Дома командуйте!

— Тихо! — Машков дернул его за рукав и зажал ему рот.

Гедеван вырывался.

— Ты мне скажи вот, это ты где взял? — Машков поднес к его носу стальной шар со штырями.

— Пустите! — промычал Гедеван. — Там в туннеле от пепелаца отвинтил. Пустите!

— Не пуцу! Скрипач! Клептоманчик ты мой! Ведь ты, генацвале, гравицаппу свистнул!

Корабль. Корма.

... Светало. Вокруг громады обрезаемого корабля валялись черные лохмотья шара, обломки сожженных пепелацев, перевернутые вагоны. Спайка из двадцати мощных тракторов тащила на буксирах к кораблю нескончаемую вереницу гружённых материй траллеров...

Машков и Гедеван с колокольчиками в носах несли клетку, динамики, скрипку и магнитофон к кораблю.

— Ку? — крикнул им сидящий на карусели квадратный эцилопп в длинном брезентовом плаще и в брезентовом шлеме с мигалкой на лбу.

— Доброе утро, — Машков и Гедеван бодро присели, пошлёпали себя по щекам.

— Мы выступать, — заискивающе улыбаясь, объяснил Машков.

— Туда нельзя! Туда иди, пацак! — эцилопп махнул рукой в сторону. — Не видишь, здесь последней выдох папы Кырра шьют.

Корабль. Нос.

Земляне занесли клетку за высокую бетонную тумбу, вокруг которой вились остатки толщенного каната.

Там тоже никого не было, только несколько ржавых бакенов под чёрной копотью.

— А здесь перед кем выступать? — спросил Гедеван. — Может пойти, дать эцилоппу один чатл, чтобы он внутрь впустил?

— Внимание! — воскликнул Машков. — А вон и зритель вынырнул! — он показал на появившуюся из люка между вагонами голову в брезентовом колпаке. Они поставили клетку около штабеля ржавых водопроводных труб, — Поехали, скрипач, — Машков вынул из футляра скрипку и залез в клетку.

Гедеван быстро поставил жестяную коробку перед клеткой, бросил туда один чатл, забежал в клетку, закрыл дверь, включил магнитофон и закрутил кофемолку. И земной тяжелый рок, соединившись с космическим лязгом, дал очень тяжелый звук.

Машков запиликал на скрипке, и они запели:

Кин-дза-дза,

Куда-дза-дза,

Лети-дза-дза,

Ы-ы-ы...

Из люка вылезли Однорукий в брезентовом плаще поверх жёлтых штанов, знакомая нам высокая чатланка в таком же плаще, в голубых бриджах и Криворотый — в шапке Гедевана и пальто Машкова, из-под которого выглядывали малиновые галифе. На руке Криворотого висел стержень.

— Вах — удивился Гедеван. — Моя шапка! Дядя Вова! — узнал он Однорукого. — Это тот бандит, который у вас спички украл. Ну, я ему сейчас!

— Спокойно, скрипач, — процедил Машков, удерживая Гедевана за руку. — Только спокойно.

— Как жизнь, гражданин? Чего новенького на Плюке? — улыбнулась Машкову чатланка.

Трое остановились у клетки.

— Ну как, привез растворитель, пацак? — спросил Криворотый, показав на пятно на рукаве пальто.

Машков молчал, сжав зубы.

— Слушай, если ты такой храбрый, давай спрячь свою палочку и отойдем в сторонку. Я тебе пару слов скажу! — рвался в бой Гедеван.

— Пару слов! — весело захохотала чатланка. — Пацак, спой пару слов, — сказала она Машкову.

Криворотый достал из кармана пальто пригоршню керамических монет разной величины и показал Машкову:

— Пой.

— Не будем мы петь! Кю! Ясно? — срывающимся голосом закричал Гедеван.

— Ку? — спросил Криворотый Машкова, направляя стержень на Гедевана.

— Мама, мама, что я буду делать?.. — хрипло запел Машков.

— Мама, мама! Мама, мама! — завияля бедрами чатланка. Криворотый бросил деньги, и они с Одноруким пошли.

— Что ты будешь делать? А, пацак?! — игриво спросила чатланка Машкова и, пританцовывая, побежала догонять своих.

— Я больше не могу, дядя Вова, — Гедеван заплакал.

Машков бросил скрипку, вышел из клетки и стал считать деньги.

— Эти большие на сколько? — спросил он, крутя в руке керамический прямоугольник.

— Пятьдесят, — всхлипнул Гедеван.

— А это? — Машков поднял треугольник.

— Не знаю...

— Ну, все равно хватает. Это двести, это сто, значит четыреста...

— Ку! — слышался вдруг голос.

Машков поднял голову.

Над ними стоял квадратный эцилопп со стерженьком в руках, тот самый, который не впустил в корабль.

Эцилопп держал в руке две сетки из сыромятных ремешков.

— Это вам, — он протянул ремешки. — А это мне! — он вырвал ящичек с монетами из рук Машкова.

— Что это? — глухо спросил Машков, посмотрев на ремешки.

— Приказ господина Кырра. Каждый пацак должен в наморднике быть и радоваться.

— Надевайте и радуйтесь! — он навел стерженёк на Машкова. — И радуйтесь!

— Уже радуюсь, родной, — скрипнув зубами, Машков взял ремешки.

— А ты почему не радуешься? — спросил эцилопп Гедевана.

Гедеван поднял руку, пощекотал себя под мышкой и выкрикнул:

— Кю-кю-кю!

Эцилопп размахнулся и ударил его стерженьком по голове.

Гедеван упал.

Эцилопп молниеносно развернулся к Машкову:

— Одевай!

— С радостью, — Машков натянул сетку на лицо.

— Застегнуть! На крючок!

— С радостью.

Застегнул.

Эцилопп заглянул в ящик, потряс им, и улыбнувшись оранжевыми керамическими зубами, неторопливо, вразвалочку пошёл.

Гедеван открыл глаза, собрал силы, стал на четвереньки, потряс головой.

Машков, нахмурившись, напряженно глядел в затылок, эцилоппа.

Эцилопп развернулся.

— Где ещё один чатл, который я уронил? — спросил он.

Машков пожал плечами.

Эцилопп не спеша вернулся к Машкову.

— Пацак, знай, настоящий эцилопп и макушкой может мысли читать.

Подними вот ногу, которой ты на монете стоишь.

Машков нехотя поднял правую ногу.

— Какой ты умница, ты её уж немножко в песок закопал? Сейчас мы с тобой по-другому поговорим!

Эцилопп нагнулся и тут Машков долбанул его кулаком по затылку. Эцилопп упал, монеты рассыпались. Машков выхватил у него стерженек и сказал шепотом:

— Встать!

Эцилопп встал. Машков содрал с себя намордник.

— Скрипач, дай-ка какой-нибудь кляп! — крикнул он. — Шлемними! Дай носок! — Машков нацепил эцилоппу колокольчик.

Гедеван, пошатываясь, принес кальсоны.

— Открой рот! Шире! Скрипач, затыкай!

Гедеван начал старательно заталкивать в рот эцилоппа кальсоны.

— Достаточно. Хватит! Он нам ещё пригодится. Надевай на него намордник. Застегни. На, держи! Только без надобности на нажимай! — Машков отдал Гедевану стерженёк.

Сам отбежал к штабелю труб, выбрал покорооче, взял.

— Так! Кратчайшим путем в эцих шагом марш! — шепотом приказал он эцилоппу. — И если ты, друг, подумаешь, что эта труба не трэнклюдатор, то это будет последняя мысль в твоей чатланской башке. Ясно?!

— Ясно! — ответил Гедеван за эцилоппа и что есть силы дал ногой эцилоппу под зад.

Бассейн.

В центре мраморного зала, в бассейне сидел Кырр-пирожок.

— Кин-дза-дза, — перед ним пел и извивался дородный эцилопп в брезентовых трусах. Тот, который зачитывал приговор. На сей раз на его голове был не резиновый, а брезентовый шлем с двумя мигалками по бокам.

— Ы-ы-ы, — вторил ему хор из шести эцилоппов в брезентовых трико.

— Руки вверх! — раздался командирский крик.

В дверях стояли Машков с трубой, Гедеван со стерженьком, портфелем и скрипкой и дрожащий квадратный эцилопп с колокольчиком под намордником.

Кырр и эцилоппы тотчас подняли руки. Машков подобрал их стерженьки и приказал эцилоппам:

— Ныряйте!

Эцилоппы покорно набились в бассейн, потеснив Кырра.

— Так сидеть час! Или мы вас трэнкюкируем! Ку? Я кого спрашиваю! Ку или не ку!?

— Ку, — глухо ответил Кырр и нырнул.

Корабль. Торговый зал.

В зале, где пел Пж, теперь пацаки, звеня колокольчиками, склеивали куски материи.

За воротами эцилоппы разгружали вагоны.

Эцилопп, придерживая колокольчик, за ним со стерженьками Гедеван, сзади прикрывающий Машков пробежали по колосникам.

Эцих.

Возле компьютера дремал на тумбе седой эцилопп. У его ног лежали два шлема — резиновый с мигалкой на макушке и брезентовый — с мигалкой на лбу.

— Ку! — Машков ткнул эцилоппа водопроводной трубой.

Тот вздрогнул, посмотрел на трубу, на коллегу в наморднике и, увидев, что тот в брезенте, вскочил и тотчас напялил на голову резиновый шлем.

— Хануидян Уэфа и Би на волю! Быстро! — скомандовал Машков.

Эцилопп щёлкнул каблуками:

— Какой номер?

— Последний.

Эцилопп ещё раз щёлкнул каблуками.

Он быстро отпер решетчатую дверь, вбежал в узкое высокое помещение, где два стальных накатанных желоба спускались от двух люков в потолке вниз, и набрал комбинацию на клавишах в стене. Первый люк открылся и из черноты

по желобу со скрипом покатился саркофаг. Он грохнулся о стену и отскочил. Крышка саркофага откинулась и из него вылез бледный Пж с оборванными кружевами и с синяком под глазом. Он посмотрел на трубу в руках Машкова и стал быстро приседать перед ним, звонко лупя себя ладонями по щёкам.

— Не тот! Давай предпоследний! — скомандовал Машков.

Седой эцилопп снова стал нажимать на клавиши.

Из левого люка вылетел второй саркофаг, второй врезался в первый, прижав его к стене, и остановился. Крышка откинулась. Там сверху лежал бледный и похудевший Уэф, а из-под него торчала борода и выглядывал горящий глаз Би.

— Здравствуйте, Владимир Николаевич, — тихо поздоровался Уэф, преданно глядя в глаза Машкову.

— Ложись туда! — приказал Машков квадратному эцилоппу, показывая трубой на свободный саркофаг Пж.

— Кю! — подтолкнул коллегу тучный эцилопп.

Эцилопп в наморднике полез в саркофаг.

— Вах! А где Пж? — удивился Гедеван.

— Пж исчез.

Машков вытолкнул второго эцилоппа в коридор и запер за ним решетчатую дверь.

— Давай, скрипач! Режь!

Гедеван невидимым лучом эцилопповского стерженька провел по стальной стене, и прямоугольный кусок борта рухнул. Образовался проём.

— Вылезайте, гаврики! — крикнул Машков.

— Поймают, родной! — выговорил Би из-под Уэфа.

— Не успеют! Вот гравицаппа! — Машков вытащил из правого кармана брюк стальной шар.

Уэф и Би с необыкновенной прыткостью выскочили из саркофага и рванули в проём.

— За мной, скрипач! — Машков выпрыгнул на песок.

Гедеван кинулся к саркофагу с эцилоппом, захлопнул крышку, положил на неё портфель, скрипку и трэнклюкаторы, схватил за крюк и покатил ящик по образовавшемуся из куска борта пандусу в пустыню.

Корабль. Корма.

Машков вслед за "гавриками" бежал к пепелацу, когда услышал крик:

— Дядя Вова! — Гедеван, надрываясь, пытался сдвинуть с места увязший колесами в песке саркофаг. — Идите сюда! Подтолкните!

— Ты что делаешь? Брось! Беги!

— Дядя Вова, целый эцилопп с эчихом! Это преступление — так бросить! Человечество из-за камушка с Луны...

— А ну брось сейчас же! Трэнклюкирую обоих!

Кладбище у корабля.

— Прощай, Плюкандия! — крикнул Гедеван, бросил на песок двадцатикопеечную монету и захлопнул дверь пепелаца.

Рубка.

Ты что, вернуться сюда захотел? — тяжело дыша, спросил Машков.

— Зачем?

— Примета есть такая, — Машков сел на динамик. — Ну, полетели, полетели, братцы! Поймают.

— Сейчас, сейчас, родной! Надо разогреться!

Би и Уэф сидели в креслах перед панелью. Ракета вибрировала. В котелке звенели медные ложки. На полу катались кружки.

Кладбище у корабля.

На иллюминаторах опустились стальные шторы.

... На корабле выли сирены, мигали огни, пульсировали прожектора.

Сопла пепелаца дышали дымом. На иллюминаторах опустились стальные шторы. Вертолетные лопасти сложились и ушли в корпус. Шип, свист. И пепелац исчез.

Из-за шариков выбежал Фитюлька, посмотрел в небо, печально погудел хоботком, увидел двадцатикопеечную, подобрал, подул на неё и спрятал в карман. Потом снял со спины скатку и расстелил её на песке. Это оказался дырявый гамак. Фитюлька вздохнул, почесался, хотел лечь, но что-то увидев схватил гамак и скрылся.

Из-за бархана выполз Пж с длинной никелированной трубой и нацелился на корабль.

Рубка.

... Ракета тряслась.

— Ну что? Летим или всё разогреваемся? — спрашивал Машков.

— Разогреваемся, — сказал Гедеван, глядясь в маленькое зеркальце. — У, как негры загорели, дядя Вова. — Он спрятал зеркальце в портфель. — Когда будем подлетать к Земле, шторы откройте, чтоб я смог сориентироваться, — предупредил он пилотов.

Уэф следил за датчиками. Би медленно передвигал рычажки.

— Не все будем рассказывать, ладно, дядя Вова? — попросил Гедеван, засовывая поглубже в портфель намордник.

— Ку, — сказал Уэф, остановив рычажок.

— Сели, — вздохнул Би.

— Поймали? — Машков вскочил.

Гедеван быстро стал извлекать из портфеля стерженёк.

Би поднялся с кресла.

— Это не Плюк, родные, — обратился он к землянам. — Это Хануд.

— Какой ещё Хануд?

— Моя планета, — вздохнул Би.

— Наша, — поправил Уэф.

— Смотрите. — Би нажал кнопку в панели.

Стальные шторы в иллюминаторах поднялись, Яркий луч прожектора выхватил из темноты черную сожженную поверхность.

— Здесь ночь, дядя Вова, — сообщил Гедеван, подходя к иллюминатору.

— Ладно. Допустим это Хануд. Дальше что? — зло спросил Машков, опираясь на трубу, как на меч.

— Владимир Николаевич, — Би посмотрел на Машкова глазами, в которых была неподдельная боль. — Двадцать лет назад, когда мы вернулись с гастролей и увидели это, я... я... — Би замолчал.

— Извините, а здесь тоже только песок? — спросил Гедеван.

— Пепел, Гедеван Алексидзе, только пепел. Я даже шарики... Я даже шарики моих... — Би постучал кулаком по панели. — Сейчас... Извините... Сейчас...

— А что случилось? — тихо спросил Гедеван Уэфа.

— Нас Зэтта трэнкюкировала!

— За что?

— За то, что мы их не успели трэнкюкировать.

— А вы их за что? — спросил Машков.

— Сейчас уже это никто не помнит... — лицо Би сморщилось.

— Дай твою жидкость, Гедеван Алексидзе. Мы выпьем и скажем всем-всем моим, кто здесь... кто когда...

— И моим, — сказал Уэф.

— Гедеван вынул из портфеля бутылку и пластмассовый стаканчик.

— Уэф поставил на пол две кружки.

Гедеван налил остаток водки в кружки.

Снял пилотку. — За память, — тихо сказал Машков. Он поднял кружку. Понюхал. Поставил.

Гедеван посмотрел на него, тоже не стал пить.

Би выпил, закашлялся.

— Теперь за моих. Только пей! — Уэф отобрал у Би кружку.

— Не могу, — вежливо отказался Машков. — Пахнуть будет. И там и так...

— За чатлан не хочешь? — обиделся Уэф. — Ты расист, Вовка.

— Ну, давай.

Гедеван накапал Уэфу.

Выпили. Помолчали.

Би достал резиновые маски, напоминающие противогазы, одну натянул на себя, другие раздал.

— Это оденьте, пожалуйста, — голос его из-под маски звучал естественно.

Планета Хануд.

Все в масках вышли из пепелаца. Би подошёл к прожектору и покрутил им. Луч выхватил вздыбленный в небо, покореженный, расплавленный мост.

— Видите? Здесь никого нет, — сказал Би.

— Здесь, что река была? — спросил Гедеван.

— Раньше здесь всё было... — Уэф вздохнул.

— Пацаки, Хануд сейчас можно дешево купить, — сообщил Уэф.

— Двенадцать тысяч чатлов, родные, — вздохнул Би.

— Двадцать лет по планетам "Маму" споём — и планета в кармане! Воздуха здесь нет! Воды нет! Ископаемых нет! Ни хрена нет! Никто сюда не прилетит! Никогда! — пообещал Уэф.

— А вам она зачем? — спросил Гадеван.

— Я хочу, чтобы мой последний выдох отсюда улетел, — скорбно сказал Би.
— И здесь нас никто в клетку не посадит. Никто на нас не плюнет. Половина планеты будет вашей родные, — пообещал Би.

— Спасибо, большое. Но мы — домой, — поблагодарил Машков. — А спичек, вот сколько смогу достать, столько и дам. Слово!

— Вовка, подожди! — остановил Машкова Би. — Вот, посмотри.

Би достал из кармана пластинку с дырочками и подошёл к прожектору. Машков подошёл. Вот Плюк, а вот Земля, — показывал пальцем Би. — А вот это, — он обвел пространство между дырками. — Как вам объяснить, что черная дыра... А на самом деле Плюк и Земля в разных спиральных, в антитентурах.

— Пепелац туда попадать не мочь! — замахал руками Уэф.

— Владимир Николаевич, родной, небо видит, это правда!

— Какой дурак будет свистеть, когда можно пепелац спичками набивать?! — сказал Уэф.

— Значит вы поэтому у нас спичку украли?

— Конечно! — закивал Уэф.

— Тогда отвезите нас на планету, где машинки перемещения есть! — потребовал Гадеван.

— Это только на Альфе есть, — вздохнул Би. — Но... Эти гады из нас кактусы делают. Заразы! — крикнул Уэф.

— Мы туда лететь не мочь! Это черная дырка. Ясно?

— Значит мы на Землю никогда не вернёмся? Так? — спросил Машков.

— Так, родной.

— Я знаю, что ты думаешь, — засмеялся Уэф. — Ты думаешь, какой я был балда, что ты с тем одуванчиком из-за нас не переместился. Так? Я тоже так думаю, друг.

— Ну что родные, договорились? — спросил Би. — Остаёмся?

— Остаёмся! — Машков сорвал маску, отодвинул её в сторону и лег на чёрную землю, заложив руки за голову.

Гедеван улегся рядом с Машковым.

— Несите резинки, — крикнул он. — Мы будем последнее шарики надувать.

— Вова, родной, ты так не шути, — сказал Би. — Здесь кислорода два процента от нормы.

— Рано или поздно все там будем.

— Вы гаврики, немножко подождите, я сейчас пакеты для шариков принесу. Кин-дза-дза, — Уэф, подпевая Гедевану, шатаясь пошёл к ракете.

Машков уже тяжело дышал. На лице его выступили капельки пота...

— Скрипач, это ты напрасно. Ты молодой. Поживи. Может чего-нибудь переменится...

— Скрипач не нужен, дядя Вова.

— О, небо! — взревел Би. — Будь проклят тот час, когда я встретил вас! Бациллы атавизма! Уэф, я тоже обалдел! Уэф, ты как хочешь, а я их на Альфу ку!

— И я, — вздохнул Уэф. — Они мне все хорошее настроение испудрили!

Рубка.

Ракета вибрировала.

Би сидел за штурвалом, Машков и Гедеван тряслись на динамиках.

— Летим или разогреваемся? — спрашивал Машков.

— Разогреваемся, — из-под панели вылез Уэф с двумя полными кружками в руках. — На! — он протянул Машкову кружку.

Машков понюхал.

— Что это?

— Ты пей! Пей, зараза! Я из-за тебя сейчас вот таким могу стать! — Уэф растопырил пальцы и пошевелил ими. — Пей!

— Нет. — Машков потер лоб. — Что-то я с двух грамм окосел, ку цурик!

— Это не от грамм, Вовка. Это от ханудского воздуха. Не надо было маску снимать, родной, — сказал Би.

Уэф хлобыстнул и полез со своей кружкой под панель.

— Дядя Вова, дайте мне, — Гедеван потянулся за кружкой. — У меня тост.

— И с тебя хватит.

— Почему? Я вообще никогда не косею. Когда Алика должны были послать в ГДР, я...

— Ладно, выпьем за меня, родные, — Би взял у Машкова кружку. — Но сначала ещё раз уточняю, — он поднял палец. — Я на альфянской орбите попытаюсь затормозить. Вы катапультируйтесь. Если вдруг получится, мы возвращаемся на Плюк и ждем вас у луцеколонки.

— А вы у этих кастратов машинку тырите и к нам два вагона спичек перемещаете. — Уэф с полной кружкой вылез из-под панели.

— За меня! — сказал он и выпил.

— Дядя Вова, — Гедеван снова потянулся за кружкой. — Одолжите на секундочку, у меня тост...

— Перебьёшься, — сказал Би. — Пацаки, может мы с вами никогда больше не увидимся, и я хочу дать вам один маленький, но важный совет, который поможет вашей планете идти по пути прогресса, которого добились мы...

Каждый должен, ну, как же это сказать поточнее. — Надо на всех слюню класть, — помог Уэф. — И знать, если ты на гаврика не успел слюню положить, он на тебя положит. А на тех, кто будет после вас, в два раза больше класть. Потому что они на ваши шарики в десять раз больше слюню положат. Или вообще, как альфяне из нас, кактусы начнут из вас делать.

— Пора! Заходите в катапульту! Быстро! — крикнул Би.

Машков и Гедеван вошли в отсек за овальной дверью.

Отсек.

— Летим! — закричал Уэф.

Стальная шторка опустилась.

— Ва! Забыл! Откройте!

Гедеван забарабанил по двери.

— Откройте! Дядя Би! Откройте на секундочку!

Шторка поднялась.

— Что? Быстро говори! — закричал Би.

— Я забыл спросить! Вы мысли как читаете? Как наши экстрасенсы или...

Би зарычал и нажал кнопку.

Шторка с лязгом упала.

— Или как? — спросил Машков.

— Как, как? Если бы я знал, то зачем...

— Тормози! Тормози, зараза! — раздался истошный вопль Уэфа.

— Как тормозить, родной, когда ты всю тормозную жидкость выпил, идиот!

Зашумело в унитазе.

Потом тишина.

Скатапультировались, кажется, — Гедеван растерянно посмотрел на Машкова. — Прошлый раз тоже так было.

— Одень цак, на всякий случай, — сказал Машков.

Они нацепили колокольчики.

— А противогазы? — спросил Гедеван.

— Давай и противогазы.

Натянули маски.

— Ну, была не была! — Машков нагнулся, хотел поднять шторку.

— Нет, Дядя Вова. Это не так. Это так...

Гедеван переключил рычажок. В унитазе зашумело. Шторка поднялась. И они увидели...

Планета Альфа.

... Синее с перистыми облачками небо, изумрудные холмы, рощу тенистых деревьев, кусты, золотистые дорожки, изящный мостик через прозрачный ручеек на зелёную лужайку, цветы...

Пели птички и летали бабочки.

Над ним метрах в пятидесяти висел пепелац.

Неподалеку от катапульты стояли высокий мужчина и стройная девушка в белых хитонах. Они сосредоточенно смотрели на небо, не обращая никакого внимания ни на катапульту, ни на землю.

Мужчина держал в руке небольшой плоский прибор и, покручивая в нем колёсико, смотрел в сторону пепелаца.

Машков с трубой и Гедеван с портфелем и футляром, в противогазах, покачиваясь вышли из отсека.

— Здравствуйте! — громко сказал Машков, чтобы привлечь к себе внимание.

— Здравствуйте, — слегка глянув в сторону землян, поздоровался мужчина.
— Извините, я сейчас, — сказал он по-русски и вернулся к своему занятию.

Машков и Гедеван тоже посмотрели вверх и увидели, как их старый ржавый приятель-пепелац бесшумно опустился на лужайку и как он так же бесшумно погрузился в землю. А на месте, где он был, снова образовалась поверхность, покрытая нежной зелёной травой и цветами.

— Э! — только и смог выговорить из-под маски Гедеван.

— Владимир и Гедеван, это не Земля, это планета Альфа, — повернулся к землянам мужчина. Сообщите ваши координаты Деконт, и она переместит вас по адресу. Всего вам доброго, — попрощался он и пошёл вдоль ручья.

Гедеван поставил портфель, пошлёпал себя по щекам.

— Здравствуйте. Мы пацаки. А вы кто?

— Гедеван, — любезно улыбаясь, сказала Деконт, подходя.

— Никаких пацаков и чатлан в природе не существует. Это лишь нелепый вымысел плюкан.

— Девушка... Ваш воздух для нас годится? Мы от него не окосеем?

— Воздух да, но... Вы приняли алколоиды и поэтому, если вас не очень затруднит, желательно, чтобы вы потерпели и не снимали маски... Владимир,
— обратилась Деконт к Машкову, — будьте любезны, дайте мне тентр.

— Э... какие алколоиды... По два грамма выпили, — сказал Гедеван. — Когда Алик в ГДР должен был уехать...

Машков вынул из кармана медную пластинку с дырками.

— Вот. Наша 013 в тентуре.

Деконт взгляделась в пластинку. Удивленно подняла бровки, посмотрела на Машкова и, показав пальчиком на ромбик, в центре пластинки, озабоченно спросила:

— Вы не можете объяснить, что это?

— Это Черная дырка, — сказал Гедеван.

Деконт улыбнулась:

— Каменный век. Ах эти плюкане... — она покачала головой.

— Два чатла отдали, — сказал Гедезан. — И ещё один — за телефон. Девушка, а у вас планетария нет? Мне позвонить надо?

— Нету, — улыбнулась Деконт и достала из плетеной сумочки машинку перемещения в пространстве и во времени.

— Девушка, а скажите, вот этих наших куда? — Машков показал на место, где утонул пепелац.

— В бент, а потом в оранжерею. Молодой человек, немного передвиньте ступню, вы на траву наступили, — сказала Деконт Гедевану. — Так, хорошо. А теперь, друзья...

— Погодите. Вы что из них кактусы сделаете?

— Не сразу. Друзья, возьмитесь за руки, пожалуйста.

Машков снял маску, вытер лицо.

— А я думал, что они свистят, как обычно.

— Нет. Не свистят. Так, Гедеван, Владимир, возьмите друг друга за руки...

— И что, хоровод будем водить? — перебил её Машков. Он уже заметно опьянел. — Я вас спрашиваю, где те двое?

— Я вам уже объяснила — в оранжерее. Будьте любезны, наденьте дыхательный аппарат. Своим дыханием портите наш воздух.

— Э! — возмутился Гедеван. — На неё посмотри, — он нагнулся и сорвал цветок.

— Что вы делаете! — в ужасе воскликнула Деконт. — Это цветок!

— А мы его высушим и выкурим, — у Гедевана заплетался язык.

Гедеван выпрямился, покачнулся, снял маску и колокольчик, спрятал все в портфель.

— Можно? — он снял колокольчик и с Машкова. Позвенел им.— Это цак, — объяснил он Деконт. — Хотите подарю?

Деконт вздохнула.

— Друзья, прощу вас, быстрее возьмитесь за руки...

Гедеван икнул...

— Извиняюсь... Ханудский воздух живот пучит.

— Спокойно. Такое предложение, такая просьба, девушка. Давайте-ка этих наших, как их, обратно в людей превращайте. А мы вам вот, — Машков вынул из кармана пригоршню керамических монет. — Здесь примерно пятьсот чатлов.

— Уберите эту глину, — брезгливо сказала Деконт. — Что касается вашей просьбы, эти вопросы решает Абрадокс. Я же со своей стороны...

— Абрадокс это длинный, который тут стоял?

— Да.

— Пошли, скрипач, к Абрадоксу.

Машков и Гладков зашагали вдоль ручья по ровной дорожке.

Деконт поспешила за ними.

— Друзья, вы напрасно беспокоитесь, — успокаивала она землян. — У нас прекрасные условия для биоактусов. Оранжерея, микроклимат, удобрения... Можно только позавидовать.

— Тогда почему, родная, ты здесь гуляешь по травке, а не в горшке сидишь?
— начал придирааться Гедеван.

— Друзья, будьте любезны, ступайте только по дорожке, не отклоняйтесь...

— Мы не циркачи, — буркнул Гедеван.

— Прав был Дэотас, когда он выступал против контактов с цивилизациями антитентур, — вздохнула Деконт.

— Что ты знаешь о нашей антитентуре, родная? Мы из живых людей ботанику не делаем. Ясно? — огрызнулся Гедеван.

Навстречу им по течению проплыл убранный цветами бамбуковый плот. На плоту сидели юноши и девушки и под аккомпанемент лиры красиво пели.

Абрадокс сидел на корточках возле замшелого пня, перламутровым гребешком расчесывал на нем мох.

— Господин Абрадокс, — хмуро обратился к нему Машков,

— Вы все ещё здесь? — поднял брови Абрадокс.

— У нас просьба...

— Можете не продолжать. Я вас понял. Прежде всего, прошу надеть дыхательные аппараты...

— Отпустите наших, тогда оденем, — сказал Гедеван и снова икнул.

— Этого я не могу сделать. Соседство с плюканами — наша беда. Они уже трижды пытались нас уничтожить...

— Наши мирные, — сказал Машков. — Поют себе. Кашу кушают. Никому не мешают... А потом, они не плюкане. Они эти...хануидяне.

— Друзья, никакой разницы: хануидяне, плюкане... зетяне...

— Все они агрессивны, корыстолюбивы, эгоистичны и так далее...И поэтому продолжение жизни в форме растения для всех, и для них в том числе, это лучшее...

— Вот это пусть они сами решают, как им лучше! А не вы! — сказал Машков.

— Да! — крикнул Гедеван. — Кончайте ваньку валять! Ясно, пацаки?

— Друзья, давайте не будем терять время попусту! — начал сердиться Абрадокс. — Я сказал: не могу! Тем более, уже их оприходовали!

— Первая же комиссия с Омеги, и у господина Абрадокса...— начала Деконт.

— Мама, мама, что я буду делать? — вдруг запел Гедеван. — Ы-ы-ы!

— погоди, — остановил его Машков. — Ну, оприходовали, бывает. Но всегда можно списать на бой, на усушку там, на утруску.

— Друзья, — повысил голос Абрадом. — Предлагаю. Или вы сейчас же перемещаетесь на Землю, или я вас возвращаю во времени назад. В момент, когда вы сами можете решить свою судьбу. Выбирайте.

— Извините, вы нас возвращаете с исключением фактора или без? — спросил Гедеван. — Категорически без! — твердо сказал Абрадокс.

— Ы-ы-ы, — запел Гедеван.

— Ладно, — сказал Машков, вздохнул. — Валяйте нас обратно.

— Да! Обратно! И все! Балдов нет! Ясно? — объявил Гедеван.

Абрадокс взял у Деконты машинку и нажал на кнопку...

Кладбище.

...Ночь.

Корабль и шар (целый) светились огнем и прожекторами. Машков и Гедеван сидели у костра. Гедеван держал ручку и тетрадь. Перед Машковым на футляре лежали кусочки скрипки. Некоторое время они сидели неподвижно.

— Пью-пью, — играл на проволоке старик-пацак.

Гедеван потряс головой.

— Переместились, — сказал он.

Машков очнулся, огляделся. Посмотрел на часы.

— Сколько я времени скрипку клеил?! Примерно?!

— Минут сорок.

— Успею! — Машков вскочил. — Ты вот что... Я тебе свой адрес оставлю, а сам в эщих сбегаяю. И, если я вовремя не явлюсь подожди здесь одуванчика и перемещайся с ним на Землю. А я...

Гедеван поднял руку, пощекотал себя под мышкой и захихикал противно, по-уэфски:

— Ха-ха-ад!

Корабль. Нос.

Возле корабля на бакене сидел квадратный эцилопп. Тот, который отнял деньги и бегал в наморднике. Только сейчас был не в брезентовом, а в резиновом шлеме с мигалкой на макушке.

— Встать!

Эцилопп оглянулся.

За ним, освещенные мерцанием мигалки, стояли Машков с трубой и Гедеван с кальсонами в руках.

Эцилопп встал.

— Брось трэнклюдатор! — приказал ему Гедеван.

Эцилопп послушно откинул стерженек.

— Рот открой! Шире! — Гедеван запихнул в рот эцилоппа кальсоны. —
Надевай давай!

Эцилопп замычал, качая головой.

— Намордник надевай, подлец! Кому говорят?! — Гедеван пнул эцилоппа ногой.

— Спокойно, скрипач. У него нету. Намордник ему завтра выдадут, — сказал Мешков.

Бассейн.

В белом зале в бассейне сидел верблюд, без штанов, но в газетной пилотке Машкова.

— Ку? — удивленно спросил он, увидев бегущих через зал Машкова, Гедевана и эцилоппа с кальсонами во рту.

— Сиди, сиди, дядя. Купайся, — разрешил ему Машков.

Эцих.

Пожилой эцилопп поспешно нажал на клавиши в стене.

Левый люк открылся. Оттуда вылетел саркофаг. Стукнулся о стену, остановился. Крышка откинулась. Там лежал бледный, похудевший Уэф. Из-под него выглядывал горящий глаз Би.

— Брысь отсюда! — приказал Машков обоим эцилоппам.

— Дядя Вова! — Гедеван показал один палец.

— Нет! — твердо сказал Машков и запер дверь за эцилоппами.

Гедеван лучом стержня вырезал проём в стене.

— Ну, вылезайте! Быстро! — позвал Машков.

— Вы опять никуда не переместились, балды? — тихо и печально спросил Уэф.

— Потом! Потом всё расскажем! Бежим! Времени нет!

— Мы никуда не полетим, родной, — высунул голову из-под Уэфа Би. — Нам здесь лучше, чем на Альфе.

— Мы на Землю переместимся! — сказал Гедеван.

— На Землю нельзя, — покачал головой Уэф. — И на Хануд нельзя. А на орбите Альфы затормозить тоже нельзя. Тормозной жидкости у нас нет.

— Да, родные. Я вас ненавижу, — всхлипнул Би.

— Здесь хотя бы амнистию обещали. Пока, заразы, — Уэф вздохнул и захлопнул крышку саркофага.

Раздался взрыв. Стены дрогнули. С потолка посыпалась ржавая пыль.

— Дядя Вова! Он сейчас там появится! — крикнул Гедеван.

Машков загрохотал кулаками по крышке саркофага:

— Открой! Я все объясню!

— Фигушки, — донесся голос Уэфа.

— А, чёрт! — Машков взялся за крюк и покати́л саркофаг к проёму.

Крышка откинулась и из ящика вывалились Уэф и Би. Они вскочили, схватили саркофаг и покати́ли его обратно.

— Вах! Что вы делаете?! У нас же машинка перемещения есть! Совсем охренели! — закричал Гедеван.

Инопланетяне переглянулись.

— Покажи, родной! — потребовал Би.

— Она там! У якоря!

— Ха-ха-ха! — пощекотал себя Уэф.

— Вот вы где! — в проеме появился человечек с цветочками.

— На! — он кинул носок Гедэвану.

— Видите? — Гедэван показал на машинку в руке человечка, — а вы не верили!

— Считаю до трех! — крикнул человечек.

— Секунду! Вы куда хотите, на Землю или на Хануд? — спросил Машков хануидян.

— На Хануд! — крикнул Уэф.

— Раз! — начал отсчитывать человечек.

За ним появился запыхавшийся Фитюлька.

— Давай так, друг. Закинем их на Хануд, а потом нас на Землю! Действуй! — сказал Машков человечку.

— Нас с пепелцем закидывай! — потребовал Уэф.

— Не могу! — Один заряд уже потратил, чтобы от якоря сюда переместиться! Теперь только два осталось.

— У-у-у! — прогудел Фитюлька и показал пальцем на красную кнопку в машинке.

— Отстань! Надоел! — рявкнул на него человечек. — Сколько можно повторять, не могу я вернуть во времени с исключением фактора встречи! Не имею права!

— Гравицаппу! Гравицаппу оставьте, родные! — взмолился Би.

— Точно, обрадовался Машков. — Скрипач, дай им гравицаппу!

— Она у вас, дядя Вова! В кармане!

Машков вывернул правый карман. Там была больная прожжённая дыра.

— Два!

— Посмотри в портфеле!

— Вах! Портфель я в костер бросил, дядя Вова! Помните, вы сказали: — «Дай мне гравицаппу». А я сказал...

— Два с половиной! — выкрикнул человечек.

— Давай всех на Землю! — решил Машков.

— Что?! — взревел Уэф. — Меня на планету, где чатланина от пацака отличить не могут?! Где дикие пацаки кин-дза-дзу курят?

— Дядя Уэф. Киндзу не курят! Её в еду кладут! — крикнул Гедеван.

— Тем хуже! — и Узф плюхнулся в саркофаг. Би тотчас лег поверх его.

— Нет, родные, — печально произнес он. — Небо видит, что когда в обществе не знают точно, сколько раз перед кем надо присесть, то не к чему стремиться и нечего желать. А когда нечего желать, то и смысла жизни нет, ибо желание — топливо движения жизни. Прощайте! — и он захлопнул крышку.

— На хрен, — донесся голос Уэфа.

— Два и три четверти! — выкрикнул человечек и занес палец над машинкой.

— Три, — буркнул Фитюлька и нажал красную кнопку.

И...

В синем небе над песками летел наш пепелац. Уэф и Би сидели в креслах и тихонько напевали: Ё-ы-ы...

Троллейбус.

... Машков и Гедеван, точно такие, какими были в самом начале нашей истории, сидели в автобусе.

На коленях у Гедевана стоял портфель, на портфеле лежал футляр. Гедевана толкали и футляр то и дело касался лица Машкова.

Машков взял футляр и втиснул его вертикально между собой и соседом. Гедеван недовольно посмотрел на Машкова, и прижавшись спиной к сиденью, поставил футляр к себе на колени.

Троллейбусная остановка.

Троллейбус остановился.

Из передних дверей вышел Машков.

Из задних — Гедеван.

Гедеван огляделся. Снежное поле и вдалеке мерцающие огни новостроек.

Гедеван побежал между сугробами за Машковым, догнал и спросил:

— Простите, вы не подскажете, где квартал "Б"?

— Кажется там. Возле табачного ларька, — сказал Машков.

... Машков вошёл в подъезд, нажал кнопку вызова лифта.

Двери лифта раздвинулись. Там никого не было.

Машков опустил взгляд. На полу лифта, рядом с пробкой от шампанского белел лепесток ромашки.

Квартира Машкова.

Жена на кухне вынимала из сумки продукты.

В комнате сын пиликал на скрипке.

— Купил? — спросила, она.

— Нет... Люсь, я сегодня домой приходил?

— Ты что, выпил?!

— Замотался...

Машков повернулся и открыл дверь.

— Вовка, сумку возьми. — Крикнула жена.

Улица.

Гедеван шёл по тротуару. Мимо проносились машины. Прошёл мимо табачного ларька. Остановился. Посмотрел на витрину. Взглянул на небо. Открыл футляр, потрогал скрипку. Пожал плечами. Пошёл дальше. Догнал девушку в светлой дубленке, спросил:

— Девушка, извините, сегодня какое число?

— Старо, скрипач. Придумай что-нибудь поновее, — бросила девушка на ходу.

— А где здесь квартал "Б"? — спросил Гедеван, помолчав.

— В обратную сторону. — Гедеван развернулся, пошёл обратно.

Навстречу шёл Машков. Когда поравнялись, оба остановились. Некоторое время молча смотрели друг на друга.

— Вы... — Гедеван вздохнул.

— Ну? — Машков тоже вздохнул.

Пауза.

— Вы не подскажите, где квартал "Б"?

— Кажется у кинотеатра "Космос"...

Пауза.

— Космос... — проговорил Гедеван и вдруг, что-то увидев, выронил портфель и скрипку. И замер в ужасе...

Машков оглянулся.

— Ку! — синхронно выкрикнули оба.

Присели и похлопали себя по щёкам.

По мостовой, сверкая мигалкой, ехала снегоуборочная машина.

Снегоочиститель вздымал белую снежную пыль.

А со звездного неба тихо звучало:

— Ы-ы-ы...

КОНЕЦ.

o o o